

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, — ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

СИНИЙ,
БЕЛЫЙ,
КРАСНЫЙ,
ЖЕЛТЫЙ

Лариса Соболева
Синий, белый,
красный, желтый
Серия «Детектив по
новым правилам (АСТ)»

Издательский текст, shum29
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=305392
Синий, белый, красный, желтый: Эксмо; М.; 2017
ISBN 978-5-17-093627-4

Аннотация

Валентина была прекрасна. Ее страстью были скорость и риск, она шла к победе любой ценой, играла страстями мужчин, смеясь над ними. Глеб бросился к ее ногам, забыв о невесте, о былой любви и клятвах верности... И вот Валентина убита. Ее обнаженное тело, искромсанное ножом, осталось лежать в спальне дома, где она жила с Глебом. Рядом находился мертвый любовник. Внезапно появившийся дома муж, жена, любовник, убийство... Наверняка именно так обстояло дело. Однако Глеб настаивает на своей невинности. И приполз он за помощью именно... к Рите, бывшей невесте, которую столь вероломно выбросил когда-то из своей жизни! Неужели он и сейчас,

спасая собственную шкуру, хочет воспользоваться ею, ее бывлой любовью?..

Содержание

1	6
2	20
3	29
4	37
5	46
6	58
7	67
8	82
9	94
10	104
11	119
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Лариса Соболева
Синий, белый,
красный, желтый

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2017

1

Говорят, тридцать три года для мужчины возраст кризисный. То ли заболеешь, то ли попадешь в скверную ситуацию, из которой если выкарабкаешься, считай, фортуна к тебе благосклонна. Глеба Печернина можно было назвать баловнем судьбы, он прочно уселся на колесо Фортуны и несся вскачь, а о таком здоровье, как у него, можно было только мечтать. Благодаря отцу и дяде у него было полно денег, а именно они делают человека независимым и стабильно уверенным. В чем уверенным? Да в том, что мир создан исключительно для него. На Глеба, образно говоря, с неба свалились деньги, сам-то он не очень тяготел к работе. И слава богу, что есть небо, откуда сыплются деньги, которые он бездумно тратит, как часто упрекает отец, да и дядя тоже. Но деньги для того и существуют, чтобы их тратить, Глеб это прекрасно усвоил. У него есть жена-красавица, которая ничего не делает и ничего не умеет, да и необязательно ей что-то делать. Правда, у нее скверный характер, стопроцентная пофигистка. Ей бы выкурить сигаретку, потрепаться за бокальчиком мартини, ну, в охотку лениво закатить скандалчик, на остальное плевать. Так ведь красавица. За это ей прощается многое. Что еще? Домик! Как же, как же! У любимца Фортуны обязательно должен быть собственный домик хотя бы в два этажа. Вот Глеб и выстроил такой. Чего же у него

нет? Детей? Будут. Правда, его родители жаждут срочно заиметь внуков, подгоняют, но Валентина всякий раз при упоминании о детях тоскливо зевает. Да и Глеб считает, что эти радости впереди, куда торопиться?

В один из мартовских вечеров Глеб был голоден, как лев, и счастлив, как мальчишка. Ну, первое понятно – времени было около десяти, а он в пять часов пил лишь кофе, намереваясь поехать на банкете. Работа челюстями – это хоть какое-то занятие на заурядной попойке, где лица одни и те же, разговоры тоже, от скуки можно подохнуть. Однако планы резко изменились. Какой же болван поедет на пьянку, когда тебе пригнали джип «Тойота Лендкрузер»? Глеб не отказал себе в удовольствии сесть за руль, а банкет послать к чертям собачьим. Он в упоении колесил по городу целый час, когда же голод обострился, направился домой. Насвистывая любимившуюся мелодию, он легко и практически бесшумно катил по улицам, мечтая похвастать перед женой приобретением. На банкет она отказалась идти из-за недомогания, дома сидит. Кстати, не мешает отметить появление новой игрушки, разбить о джип бутылочку шампанского, так сказать, дать дорогу в жизнь автомобилю.

На светофоре тормознул, открыл окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха, а в салон ворвались выхлопные газы, смешанные с мартовским холодом. Весной и не пахло, она как будто забыла про этот край, где в марте всегда тепло. Глеб нажал на кнопку, и стекло отделило его от улицы. Решив

предупредить жену, чтобы она позаботилась об ужине, набрал на сотовом телефоне номер. Длинные гудки его насторожили. Дома никого нет? Глеб в сердцах бросил телефон на сиденье рядом, разозлившись не на шутку. Куда это ушла Валентина в такой час? Какие у нее могут быть дела на ночь глядя да еще с больной головой? Ревнивому человеку – а таким Глеб и был – отсутствие жены поздним вечером представлялось в дурном свете. Ну на самом деле, магазины давно закрыты, Валентина не работает, когда идет к подругам – предупреждает. Где она может быть? Он прибавил скорость, и автомобиль понесся к дому.

Джип не поставил в гараж – не терпелось попасть домой. Выскочив из авто и поднимаясь по ступенькам, достал ключи, вставил в замочную скважину... Опа-на! Дверь не заперта! Это называется: заходи, кто хочет, и бери все, что попадет под руку.

Свет горел в гостиной, значит, дорогая и законная только-только пришла домой. Интересно, где она шлялась? В кухне-столовой свет не горел, поэтому Глеб не стал даже заходить туда, а направился вверх. Наверняка она в спальне переодевается. Взбежав по лестнице с твердым намерением потребовать от супруги отчета – где была, почему обманула, придумав головную боль, и какого черта бросает открытым дом, – Глеб толкнул ногой дверь спальни и... несколько опешил. В спальне стояла темень. Шаря по стене в поисках выключателя, он споткнулся о какой-то предмет, чертыхнулся

про себя, но вот нащупал квадратную клавишу, ударил по ней пальцем. Свет на долю секунды ослепил, а потом...

То, что увидел Глеб, не поддается описанию! Он замер в оцепенении, словно некто выключил его, как выключают электрический прибор. Глеб перестал что-либо чувствовать и соображать... А в ванной шумела вода. Душ. У них в доме две ванные комнаты – внизу и наверху рядом со спальней. В ванной текла вода, а у Глеба в венах застыла кровь, казалось, все жилы под кожей вот-вот лопнут. Не в силах сдерживать напряжение, он ахнул кулаком по стене и закричал, как от боли...

Нина вымыла руки в дамской комнате, вытирая их, посмотрела на свое отражение. Почти двенадцать ночи было, а выглядела она как свежий бутончик, не чувствовала усталости, впрочем, энергии в ней хватит на десятерых. Некоторые знакомые утверждали, что Нина – искра, из которой, не приведи бог, возгорится пламя. В самом деле, Нина все делала быстро, решения принимала мгновенно, если ошибалась, тут же находила массу выходов, умела наладить контакты с самыми разнообразными людьми и не имела привычки впадать в уныние. Да, теперь она никогда не унывала.

Подумать только, еще два года назад она была на грани помешательства. Нина осталась тогда без любимого (вот бы черт прокрутил его в мясорубке!), без работы, без малейших перспектив. И это произошло в двадцать шесть лет! При-

ательница помогла устроиться на работу... менеджером по уборке. Замечательно, что есть такие красивые слова! Особенно если не знаешь, как на самом деле это выглядит. А выглядит так: приходишь утром в офис, берешь швабру, тряпку, веник и вперед – на ниву менеджмента! То есть на уборку офиса похотливого хорька, считавшего своим долгом хлопнуть Нину по попке или зажать в углу, когда она попадалась ему в темном месте. Нина терпела, стиснув зубы. Потому что семьсот рублей на дороге не валяются. За коммуналку хоть и немного платить приходилось, а все же плати. Да и есть надо, пусть два раза в день, пусть кашу и хлеб, но есть. Без еды еще никто не пробовал прожить долго. Это приятельница уговорила похотливого хорька написать в трудовой книжке Нины должность «менеджер по уборке», а то как-то несолидно человеку с высшим образованием иметь запись «уборщица». Слава богу, что хорек только прижать и мог, а то бы Нина опять осталась без работы, потому что спать с ним не согласилась бы ни за какие коврижки. Зато всем, без исключения, он хвастал: у меня даже уборщицы с высшим образованием. Но те времена прошли безвозвратно. Какое счастье, что в жизни бывают чудеса! И теперь Нина из натуральной Золушки превратилась в директора кафе, предпринимателя. Нет-нет, не принца повстречала, с принцами покончено раз и навсегда два года назад. Все, что она сейчас имеет, – благодаря папе, которого даже не знала!

Нина сняла аметистовые клипсы, бросила их в сумочку

и помассировала мочки ушей. Раньше это были серьги в серебряной оправе, доставшиеся от бабушки. Нина не прокалывала уши из-за единственных серег, а отдала их ювелиру, и тот сделал клипсы. Оглядев себя со всех сторон и подкрасив губы, она сказала с чувством:

– Спасибо, папа.

Тут же смутилась. В ее словах прозвучал цинизм. Видимо, предприниматели в конце концов все, без исключений, становятся циниками, как утверждает Машка Цеткин – соседка по коммуналке. Но Нина действительно благодарна папе, хоть и был он... плохим человеком, очень плохим. Впрочем, об этом думать не стоит.

Она вошла в зал. В ее собственный зал! Сегодня много пустых столиков – жаль. Нина села в углу, включила настольную лампу – ей хотелось поработать еще немного. Пришли кое-какие идеи по привлечению клиентов. Надо использовать день в полной мере, а не ждать, когда забредут посетители, особенно в выходные. Вечером в выходные полно народу – не попасть, а днем – маловато. И Нина придумала, как забить кафе днем. Воскресные семейные обеды! Для этого она возьмет менеджера, задача которого продать зал. Клиенты не просто придут вкусно поесть. Здесь их будет ждать развлекательная программа, Нина договорилась с самодеятельными актерами, они придумают шутки, игры. Пап и мам с чадами будут встречать лиса Алиса и кот Базилио... это будет здорово. А если договариваться напрямую с классны-

ми учителями о таких обедах? А сколько младших классов в школе? А сколько школ в городе! Вот тебе забитые днем выходные, вот тебе прибыль и – с дороги, конкуренты! Нина принялась обдумывать идею и аккуратно писать в тетради план действий. Еще следовало подсчитать затраты и прибыль за первую половину недели, но скучную, в то же время необходимую работу отложила на завтра.

Внезапно Нина почувствовала на себе чей-то взгляд. Еще не осознавая, от кого он идет, занервничала, подняла голову от тетради... Екнуло сердце. По залу – без сомнения, к ней – шел ОН! Нина лихорадочно вспоминала, как выглядит. Надо было надеть фиолетовый костюм строгого кроя, который великолепно сочетается с ее фиалковыми глазами. Надо было макияж нанести тщательно, а не абы как, потому что торопилась, и маникюр сделать – лак на двух ногтях облупился. А губы? Она покрасила их или нет? Однако Нина ничем не выдала панику, лишь удивленно приподняла одну бровь. Брови у нее красивые, таких ни у кого нет – вразлет, черные и широкие, к вискам зауженные. И вообще, она эффектная – так многие считают. А ОН бросил такую красоту! Кто ОН после этого? И чего ему теперь надо?

Он тяжело опустился на стул, не спрашивая разрешения, ладонью провел по лицу, будто стер усталость, и уставился на Нину – не поймешь, каким взглядом.

– Здравствуй, Нино. – Только он ее так называл: Нино, Нинон, Нинка, Ниночка... Как это было давно...

– Привет, – повела она плечиками, словно от холода, и погрузилась в счета.

Сделала вид, что погрузилась в счета. В данную минуту они ей были глубоко безразличны. Но он должен видеть, какая Нина занятая женщина. Делая пометки там, где аккуратно выводила идеи по привлечению клиентов, Нина практически ничего не видела и что писала – понятия не имела. Но писала. Просто строчила.

– Ты хорошо выглядишь, – сказал он после паузы.

– Тебя это огорчает? Как поживаешь?

– Дежурный вопрос. Тебе больше нечего мне сказать?

Нина откинулась на спинку стула, упираясь руками в стол, и с наслаждением процедила, не забыв надеть на лицо коварную улыбку:

– Знаешь, Печернин, если начну говорить то, что мне хочется сказать тебе, я не остановлюсь до завтрашнего вечера. А у меня масса работы.

– Извини, – произнес он потерянно, будто рассчитывал совсем на другой прием. – Мне захотелось тебя увидеть, Нина.

– Что так? – И она снова уткнулась в бумажки. – Проблемы? (О, как она мечтала о проблемах, разумеется, о его проблемах!)

– М-да... в общем-то... Мы не могли бы уединиться?

С одной стороны, ей нестерпимо хотелось наговорить ему кучу самых гадких гадостей. С другой стороны, проблемы

Глеба жутко обрадовали, захотелось вызнать подробности, чтобы бросить в лицо бывшему почти мужу: так тебе и надо!

– Идем, – сказала она, собирая со стола бумаги.

Нина привела его в свой маленький кабинет, где еще не был закончен ремонт, который она делала сама в свободное время. Да, она делает все, что может, сама, экономия – теперь главная черта Нины, хлебнувшей нищеты через край. В кабинете только одна стена была оклеена обоями, у нее стоял стол и два стула. Все остальное пространство занимали краски в банках, шпатлевки, инструменты, рулоны обоев, ведра, тряпки, складная лестница. Нина предложила незваному гостю стул, сама же села за стол – за свой стол, в ее кабинете, в своем маленьком ресторанчике! Кафе звучит очень буднично, Нина считает свое детище ресторанчиком! Она скрестила руки на груди и приподняла подбородок, мол, слушаю тебя. Глеб Печернин достал сигареты, спохватился:

– Можно?

– Кури, – разрешила Нина, не сводя с него фиалковых глаз.

– А ты? – протянул он пачку дорогущих сигарет.

– Раньше не курила, потому что деньги жалко было тратить на дым, а сейчас не курю, потому что берегу здоровье.

Он закурил. Молчал. «Все так же красив, сволочь, – подумала Нина, глядя на него. – Откуда ты взялся? Два года носа не показывал, а сегодня явился. Ну, почему, почему я хочу услышать, что ты разводишься? Как же я тебя ненавижу!» От

долгой паузы, навязчивых и противоречивых мыслей Нина заерзала на месте. Глеб будто очнулся, поискал пепельницу, не нашел, а Нина не предложила что-нибудь взамен, тогда он стряхнул пепел прямо на пол и тяжело вздохнул:

– Мне очень захотелось тебя увидеть.

– Ты уже говорил, – холодно сказала Нина, просто окатила его холодом.

– Да? – удивился он, подняв на нее растерянные глаза. И никакой реакции на холод со стороны Нины! Вдруг он произнес то, о чем она мечтала ночами: – Прости меня, Нинка.

Мечтать-то мечтала, но не бросаться же ему на шею после этих слов! Нет уж, дудки. Один раз он предал ее самым подлым образом, тогда прозвучала другая фраза: «Прости, Нинка, я люблю другую». А они собирались пожениться через месяц, жили вместе в его квартире целый год, он строил дом, постоянно советуясь с ней, как лучше расположить комнаты, какая должна быть мебель... и вдруг «Я люблю другую!». Банальная избитая фраза. Только Нина не думала, что ей предстоит услышать эту фразу. От той боли, которую он причинил тогда, хотелось утопиться, проглотить сто таблеток снотворного и не проснуться. Нина осталась одна на свете. Почему же одна? С подушкой, мокрой от слез, с унижением и стыдом, потому что он ее бросил.

– Я давно тебя простила, – сказала она с дежурной улыбкой и тоном, который не дает никаких надежд.

– Ты правду говоришь? – несколько оживился он.

Да нет, он не просто оживился, он обрадовался. Чему же? Прощению? Тогда Глеб ошибается, думая, что Нина вместе с прощением падет перед ним ниц.

– Господи, ну конечно, правду, – нарочито бодро зачирикала она. – В конце концов прошло два года, за это время многое изменилось. У меня собственное дело, я пользуюсь популярностью, как кинозвезда. А знаешь, кто помог мне открыть ресторанчик? Мой... друг. (Здорово придумала!) Да, друг. Кажется, сейчас именно так говорят: мой друг. Он старше меня на пятнадцать лет, умный, богатый, красивый, щедрый, высокий... (не переборщила?). Так вот, он дал денег... триста тысяч... (Маловато.) Или триста пятьдесят... точно уже не помню. (Эх, надо было сразу миллион загнуть.) Остальную сумму я добавила из своих, вырученных от продажи дома денег. Он говорит, что женщине в наше время необходимо иметь материальную независимость. Правда же, он прав?... Ты не слушаешь?

Глеб, действительно, смотрел сквозь Нину, но на вопрос ответил:

– Нет, почему же... я слушаю. Значит, ты собираешься замуж?

– Замуж? – глупо рассмеялась она и возненавидела себя за идиотский смех. – Нет, не собираюсь... вернее, собираюсь, но не сейчас. Позже. Я не предложила тебе выпить, извини. Что будешь пить?

– Водку.

Нина вспорхнула со стула, как колибри с цветка, и вылетела из кабинета. Сразу за дверью схватилась ладонями за щеки. Ладони были холодные, а щеки пылали. «Зачем он пришел? – проносилось в ее головке, когда собирала на поднос дорогую водку (пусть знает, что она богатая), томатный сок, тоник, стаканы, рюмки. – Забыла, чем он закусывает водку? Лимоном или огурцом? И то и другое положу. Что ему нужно от меня? А, какая разница? Он ничего не получит, кроме насмешек».

Схватив поднос, Нина вылетела из кухни, где поварихи заканчивали мыть плиты и собирались домой. Но вернулась. Положила еще шесть корзиночек с чудесными закусками. Схватив поднос, поскакала в кабинет уже как антилопа. У двери выпрямила спину, вошла спокойно, как спартанец перед смертельной битвой.

Глеб все так же, не меняя позы, сидел на стуле. Пожалуй, слишком сгорбился, что совсем не вязалось с ним. Он всегда уверенный, самодостаточный, занимался спортом – альпинизмом и горными лыжами, следовательно, подтянут. Не пьет, иногда курит. А сегодня сгорбился и попросил водки. Не коньяку, не виски, не какой-нибудь экзотической текилы, а снизошел до водки. Наверное, он обанкротился. Вот было бы славно. Нина поставила поднос на стол и любезно предложила:

– Сделать «Кровавую Мэри»?

– Нет.

Он налил водки в стакан, а не в рюмку, примерно половину! Выпил залпом и не закусил ни лимоном, ни огурцом. Только сейчас Нина подумала, как пошло выглядит соленый огурец на тарелке рядом с ломтиками лимона. Не прикоснулся к ее фирменным корзиночкам! Ах, корзиночки! Каждую можно сразу отправить в рот и проглотить заодно собственный язык. Все вечерние клиенты обязательно заказывают корзиночки с деликатесами. Тесто просто тает во рту, начинка самая изысканная – креветки в соусе, семга с измельченными оливками, говяжий язык с зеленым горошком, а все это венчает крем, приготовленный из взбитого майонеза с добавлением зелени, специй, лимонного сока. Есть и другие начинки – паштеты, салаты, дело не в этом. Глеб не стал закусывать божественными корзиночками примитивную водку! Одним словом, зажрался! И вдруг он сказал такое, отчего ее обдало кипятком:

– Знаешь, Нинка, я... роконосец. (Какое приятное откровение!) Больше всего на свете боялся рогов, теперь их у меня в избытке, представляешь?

– Так ты явился ко мне зализывать раны? – усмехнулась она, плохо скрывая торжество. – Должна сказать, ты выбрал неудачный объект. Я не умею утешать.

– Да нет, я не раны пришел зализывать... Мне не к кому пойти.

– Но ты пришел почему-то ко мне! – В нагрузку к рогам хотелось вlepить ему пощечину. Но она не опустилась до

уровня скандалистки. Зачем же? Есть слова. Есть и тон: нежно-ласковый, это посильнее рукоприкладства. – Прекрасно! От любимой жены, наставившей тебе рога, ты пришел к бывшей любовнице, которую вышвырнул из своего дома. Нет-нет, не надо взваливать на меня свои рога. Я их не приму, потому что уже была в роли рогоносительницы, ограничусь лишь сочувствием.

– Нина... – застонал Глеб. – Ты говорила, что простила меня.

– Но не до такой же степени, чтобы принять тебя на грудь.

– Я не все рассказал.

– Что еще? Твоя облезлая кошка обокрала тебя и сбежала с любовником? – не смогла удержаться от язвительности Нина.

– Хуже, – выговорил он и опустил голову. – Нина, случилось страшное... Не знаю, как сказать... Она... убита. Ее кто-то убил сегодня...

Нина сначала не поняла смысла чудовищных слов, произнесенных Глебом, потому без всякой язвительности едва слышно произнесла:

– Что-что? Что ты сказал?!

– Ее убили. Ее убили в нашей спальне...

2

Наверное, она молчала минут десять, а может, и все полчаса. Глеб тоже не произносил ни звука, а налил водки и выпил, снова не закусывая. Так и сидели оба молчком. В коридоре кто-то позвал Нину, она вышла. Это была повариха, уходившая последней:

– Нина Александровна, закройте. В кафе уже никого нет.

Нина проводила ее к парадному входу, тщательно заперла двери, подключила сигнализацию и вернулась к Глебу. Нет, у нее в голове не укладывалось: Валька изменяла Глебу, а ее кто-то убил? Белиберда какая-то!

– Ты застал ее на месте преступления? – подходя к столу, осторожно спросила она, так как в душу закрались некоторые подозрения.

– Нет, – покачал он головой. – Я задержался на работе... ты же теперь бизнесмен, знаешь, сколько накапливается работы. А приехал домой после десяти. Дверь дома была открыта, в гостиной горел свет... Я поднялся в спальню... Там и увидел... ее мертвой...

– Но откуда ты знаешь, что она... тебе изменяла?

– Она там не одна. – Глеб налил еще водки, выпил.

– Что значит не одна? – вытаращила глаза Нина.

– Там мой друг... я думал, что он мне друг.

– А с ним что? Надеюсь, он жив?

Глеб отрицательно качнул головой. Нина снова надолго задумалась. Как это все понимать? Если это шутка, то глупая, если правда, то неправдоподобная. А не Глеб ли укукошил изменницу? Вот это номер! Грохнул Вальку с любовником и примчался к Нине! Он что, дурак? Разве способен Глеб поменять роскошную жизнь на колючую проволоку? Никогда. А впрочем, в такой момент человек не соображает, что творит. Нине тоже хотелось его убить, когда он бросил ее, но пистолет не на что было купить. Все равно не верилось ни в то, что Валька убита, ни в то, что это сделал Глеб. Нина спросила:

– Ты хорошо рассмотрел? Может, они просто спали?

– Там очень много крови... очень много. Валентина лежит на кровати, а он... он на полу. Я плохо соображал. Представь, каково мне было...

– Представляю, – с искренним сочувствием сказала она, но подумала: «Это сказки. Ты, наверное, придумал все, чтобы разжалобить меня. Не пойму только, зачем?»

– Я выбежал из дома, – говорил тем временем Глеб, – сел в машину и долго колесил по городу. А потом... потом приехал к тебе... сам не знаю зачем. Я не могу один...

– Надо было полицию вызвать.

Он взглянул на нее абсолютно трезвыми глазами, а ведь выпил граммов триста, не меньше. Потом нахмурился и произнес:

– Ты не понимаешь. Первого, кого будут подозревать, – меня. Их убили в спальне, они оба голые... Полиция подумает, я убил их из ревности. Меня посадят, а я в тюрьму не хочу.

– Но почему тебя посадят, если не ты... А это... не ты?

– В смысле? – не понял он.

– Это не ты... убил?

– Вот! Этого я и боюсь! – Он вскочил со стула и затоптался на месте, так как кабинет очень небольшой, да и загроможден. – Даже тебе пришла мысль в голову, что я убил! Я не убивал! – Он вдруг подскочил к Нине, схватил ее за плечи и яростно затряс: – Поверь, это не я! Но я хочу узнать, кто это сделал! Я хочу найти этого человека, иначе все, абсолютно все будут думать, что это сделал я! Сидя за решеткой, не смогу...

– Ай! – вскрикнула она и оттолкнула его. – Ты делаешь мне больно!

– Прости... – выставил он вперед руки, отступал, пока не наткнулся на стул. – Прости... Пойми меня... я в таком состоянии... Прости...

– Понимаю, да, – нервно пробормотала она. – Ты в таком состоянии, да. Но я, к сожалению, не могу помочь тебе.

– Можешь, – сказал он, опускаясь на стул. – Ты можешь помочь. Нино, мне больше не к кому обратиться... Только ты...

– Ну, это уж слишком! – обалдела она. – Прости, дорогой,

но я тебя не совсем понимаю. Ты меня бросил два года назад. И женился на... своей Вальке. Ты хоть представляешь, каково мне было? О да. Сейчас ты представляешь, потому что тебя твоя Валька опустила. Но ты хотя бы человек со средствами, не подохнешь с голоду, как подыхала я. Ты, наверное, забыл, что, живя с тобой, я ушла с работы. Это ты так хотел: твоя женщина не должна работать. А когда ты меня бросил, я осталась без денег и без работы. Впору было в петлю лезть!..

– Но ты же сама отказалась от денег, – напомнил он.

– Да. Да. Да, – нервно поддакнула Нина. – Я не могла принять от тебя подачку! Как странно, что ты этого не понимаешь. Вообще-то тебя никогда не волновали чужие проблемы. Стоило мне закрыть за собой дверь, я стала тебе чужой. А ты со своей Валькой улетел на Средиземное море в ту поездку, которую мы планировали с тобой. Но я выжила! Как видишь, я в порядке. И мне плевать на твою Вальку и на тебя!

Глеб поднялся, хотел что-то сказать, но передумал, поплелся к выходу. У Нины сбилось дыхание. Сейчас он уйдет, и все, никогда она его больше не увидит, потому что Глеба обязательно посадят. Да какое ей дело! Пусть сажают. А если не он убил? Нина рывкнула:

– Стой, черт тебя возьми!

Глеб замер, взявшись за ручку двери. Нина процедила сквозь зубы:

– Мы ведь с тобой бизнесмены, ты сам так сказал, да?

– Да, – повернувшись к ней, ответил Глеб, вопросительно глядя на нее.

– Хорошо, я помогу тебе, – почему-то угрожающе произнесла Нина. – Но... Давай заключим сделку. Я тебе помогаю выкарабкаться из этой поганой истории при условии, что ты не... не... не делал этого! Лучше сейчас сам скажи мне правду.

Глеб, глядя прямо ей в глаза, членораздельно сказал:

– Я не убивал. Это правда.

– Отлично. Верю. Хотя верится с трудом, если честно. Но я тебе верю. Я помогу, не знаю чем, но помогу. А ты... что ты дашь мне взамен?

– Все что угодно, – пообещал Глеб, не понимая, к чему она клонит.

– Хорошо, – хищно и удовлетворенно сказала она. – В память о нашей... дружбе я с тебя возьму немного. К примеру... («Все, все, все, – хотелось выпалить Нине, – и тебя вместе со всем».) К примеру, половину твоего дома. Он мне очень нравится, тем более что это я нашла проект, я следила за рабочими, ругалась с архитектором, подбирала материалы. Согласен?

– Согласен, – нахмурился и без того хмурый Глеб. – Ты ведь меня ненавидишь, а собираешься жить со мной под одной крышей?

– Кто тебе сказал, что я буду жить с тобой под одной кры-

шей? – широко раскрыла глаза Нина, а через секунду улыбнулась. – Вовсе нет. Свою половину я продам тебе. А потом ты исчезнешь из моей жизни навсегда. Только не сделай из меня сообщницу.

– Ты все же не веришь, что это не я, – сказал Глеб с видом побитой собаки.

– Допустим, верю, – отмахнулась она.

– Мне надо спрятаться на некоторое время, пока не уляжется шумиха. И подумать. Надо с чего-то начинать поиски, а я пока не знаю, с чего начать. Я вообще ничего не понимаю. Хочу осмыслить...

– Ладно, я спрячу тебя у себя дома, уж у меня искать не будут. Идем. Кстати, завтра подпишешь договор, а то я вас, бизнесменов, знаю.

– Хорошо, подпишу, – покорно согласился он.

Впрочем, он был согласен на все, на чем и подловила его Нина. Она также знала, что у него действительно никого нет, кроме завистников, которые с удовольствием его сдадут, еще и в свидетели пойдут, мол, видели, как Глеб убивал. Он остался один. Не рискнул спрятаться у мамы с папой; с этими особями из семейства гадов Нина хорошо была знакома, они только навредили бы из благих намерений. Короче, поверить и довериться ей Глеба заставили те давнишние отношения, которые были между ними. Были да сплыли. Несмотря ни на что, Нина его не предаст, бывший почти муж хорошо это знал. Да, она изменилась, он еще не раз в этом убедится. Но

она порядочный человек, так пусть Глеб платит за ее порядочность. Нина еще раз проверила, надежно ли заперты парадные двери, затем с Глебом вышли через черный ход. Она направилась к своей «копейке», но он предложил поехать на его машине. Нина фыркнула:

– Брезгуешь на отечественных кататься?

– Моя ездит быстро, – возразил он.

«А, понятно, – думала Нина, плетясь за Глебом, – деру дать на твоей машине легче и жалко бросать. Что, страшно, Глеб? Мне тоже было страшно, когда ты меня бросил. Ну, ладно, моя «копеечка» постоит, бензин сэкономлю».

Увидев автомобиль Глеба, Нина присвистнула:

– Ты теперь едешь на автобусах?

– Это джип, – сказал он, открывая Нине дверцу... нет, дверь... нет, ворота! – Одна из последних моделей. Садись.

Усевшись в мягкое кресло, пробежав глазами по приборам, Нина вздохнула:

– Кажется, я мало запросила.

– У тебя еще будет время потребовать больше, – бросил он, трогаясь с места.

– На что намекаешь? – завелась она. – Что я хапуга? Нет, дорогой, я от своего слова не откажусь: половина дома. На сколько он там тянет?

– Примерно тысяч сто долларов.

– Ух ты! Мне с головой хватит... Ты что?!

Она вскрикнула, так как он дал по тормозам. Автомобиль

резко остановился, а Нина с недоумением уставилась на Глеба. Он так побледнел, что это стало заметно даже в темноте. И капли пота выступили на лбу.

– Я совсем забыл... – пробормотал Глеб, разворачивая автомобиль.

– Куда ты? Куда мы едем? – запаниковала Нина. Вдруг он забыл и ее прикончить? А неслись они к кафе.

– Там мои отпечатки, – пояснил он.

– Где? Где твои отпечатки? – в ужасе прошептала Нина, подозревая, что отпечатки он оставил в ее кабинете.

– В спальне! – рывкнул Глеб. – В доме! Везде! Ты понимаешь, что это значит?

– Не понимаю... Ты хочешь в...

– Да, я хочу вернуться домой. Мне нужно стереть отпечатки, забрать из сейфа деньги и драгоценности Валентины. Нам пригодятся деньги, разве нет?

– Пригодятся, – выпалила Нина. – Но я не хочу в твой дом. Сейчас, когда там два трупа, не хочу. Когда трупы уберут – я с удовольствием... Останови машину, я выйду.

– У нас договор, сделка, – отрезал он. – Ты будешь делать, Нино, что я скажу. Ведь за твою помощь я отдаю тебе половину дома или плачу пятьдесят тысяч баксов.

Упоминание о баксах несколько усмирило Нину. Но в дом надо же будет войти! Глеб не захочет идти туда один, ему явно страшно, ей тоже. Нина закусил губу, уговаривая себя: «Увидеть Вальку убитой – это ли не счастье, а? Ладно, пере-

живу. Я все переживу за пятьдесят штук баксов!»»

3

В половине третьего ночи они остановились неподалеку от дома, в темном переулке, и отправились пешком. Чем ближе подходили к дому, тем сильнее у Нины тряслись колени. Миновали ограду, оглядываясь по сторонам, преодолели несколько метров прямой дорожки, ведущей к дому. Глеб открыл ключом массивную дверь, вошли. В прихожей он, не снимая лайковых перчаток, взял фонарик с полки, приготовленный на случай, если отключат свет. Яркий луч осветил сначала гостиную... Очутившись в огромной комнате, погруженной во мрак, Нина почувствовала, как со всех сторон на нее наползает тишина. Это была не та тишина, которая сопровождает покой, совсем другая, тревожная, гнетущая. Дрожащим голосом, шепотом Нина произнесла:

– Здесь жуткая тишина. Иди сам.

– Хорошо, – тоже шепотом сказал он. – Жди меня здесь.

Луч фонарика заскользил по стенам, лестнице... А вокруг давящая, изматывающая тишина. И темнота. И два трупа в спальне лежат. Нина испытала животный ужас оттого, что придется остаться в темной гостиной одной. Души трупов наверняка витают тут невидимые... Она ринулась за Глебом по лестнице, бормоча:

– Нет, я с тобой пойду. Куда нам?

– В спальню.

– Идем в спальню... В спальню?! – вскрикнула Нина и прикрыла ладонью рот, оглядываясь. Вдруг покойники услышат, как она раскричалась? Нина выдавила: – Там же... Ты больной?

– В спальне сейф, – ответил он, поднимаясь вверх. – Я хочу сначала забрать деньги и ценности. Идем, мертвые нам ничего не сделают. Полагаю, надо бояться живых.

– Живых! – чуть слышно взвизгнула Нина. – Уж не думаешь ли ты, что убийца нас поджидает?!

– Не думаю, – огрызнулся он. – Нинка, замолчи. И так паршиво.

– Молчу, – сказала она шепотом, тараща глаза в темноту. Казалось, что в такой тишине стук ее сердца слышат мертвецы. Нина пролепетала: – Ну и темнота. Включи свет, все равно никто не прибежит сегодня. И вообще соседи спят. Со светом не так жутко...

– Не касайся перил! – шикнул он, сбрасывая руку Нины с перил. Глеб быстро вытер их полый пиджака и взял Нину за руку.

Поднимались медленно, словно боясь нашуметь и вспугнуть трупы. Нине захотелось в туалет, причем срочно. Но она и не подумала объявить об этом Глебу, а продолжала идти по ступенькам. Одна ступенька, через маленькую паузу следующая, еще... Нина от напряжения тихонько заскулила:

– Какого черта мы плетемся? Давай-ка быстренько заберем все и...

– Ты права, – согласился он и прибавил шагу. У двери спальни предупредил: – Не входи, пока не включу свет. Мне надо сначала добраться до окна, закрыть шторы, они не пропускают света. Не бойся.

Глеб толкнул дверь, осветил фонариком комнату и пропал внутри. Нина осталась в крошечной темноте, только в спальне плясал световой луч, изредка пропадал и он. Трупы, трупы, трупы – давило на мозг. Припомнились фильмы ужасов, когда обезображенные трупы внезапно возникали за спиной. У Нины зашевелились волосы, она шагнула в дверной проем, чтобы быть поближе к живой душе. Ее трясло, даже зубы стучали. Звук задвигаемых штор заставил вздрогнуть. Через минуту Глеб включил настольную лампу. Нина зажала обеими ладонями рот, чтобы не закричать, и прислонилась к стене, так как подкосились ноги.

На широкой постели лежала голая Валька, раскинув руки, ее ноги свесились с кровати. Ее белое тело очень выделялось на синем фоне постельного белья, она лежала на спине и была вся окровавленная, даже лицо в крови. Красные следы на пальцах, на предплечьях. Валька была вся изранена, наверняка ее кромсал маньяк, безжалостно нанося удары. И так странно, так странно: на синем белье пятен не было заметно, лишь шелк блестел, а белое тело в кровавых разводах оттеняло синеву постели. И желтые волосы разметались по синему... Цвета заморозили Нину – синий, красный, белый, желтый. Она не могла оторвать глаз от ненавистой Вальки,

укрававшей ее счастье. Синий, красный, белый, желтый... Вот и нет Вальки. Радости, что она мертва, тоже нет. Не верилось, что это произошло на самом деле. Только красивое тело без признаков жизни, без дыхания и цвета – синий, красный, белый, желтый – подтверждали: мертва. Мертва! Нет, на это невозможно смотреть. Нина отвела глаза, и тут же в поле зрения попал второй труп, заставивший Нину содрогнуться.

На полу лежал мужчина. Голый, но его бедра были заматаны полотенцем. Он лежал ничком, подогнув одну ногу. Спина в крови. Светлое ковровое покрытие под ним тоже в крови. Пахло чем-то неприятным, возможно, так пахнет смерть. Нине стало плохо, она достала из сумочки платок, прикрыла им нос и рот, чувствуя, что сейчас ее вырвет. Какая ужасная, отвратительная смерть! В сущности, смерть всегда ужасна, но такая... ужасней ужасного. Нина прикрыла веки, чтобы ничего не видеть. А перед глазами цвета: синий, красный, белый, желтый. Из этих цветов выплывала Валька с раскинутыми руками, ее лицо с приоткрытым ртом и взглядом в никуда. Тут уж не до торжества над соперницей. А еще мерещился маньяк, который занес нож над Ниной. Невыносимо! Она открыла глаза...

Глеб хладнокровно снял картину – сейф встроен в стену. Нелепо в этой мертвой тишине прозвучал звон ключей, шелест бумаг, скрип дверцы сейфа. Все бумаги и деньги из сейфа он переложил в кейс, туда же высыпал содержимое шка-

тулки. Сейф оставил открытым и стал исследовать шкаф, перебирал вещи жены, карманы, сумочки. Если находил что-нибудь, бросал в сумку, не глядя.

– Долго еще? – пробормотала Нина плаксиво. – Меня сейчас вырвет.

– Не вздумай! – на миг повернулся к ней Глеб. – Этого нельзя делать.

– Чем здесь воняет?

– Запах крови, Нина. Успокойся.

– Успокойся? – взвилась она. – Я не могу здесь находиться. Чего ты застрял?

Глеб наклонился над мужчиной, рассматривал его, затем место вокруг трупа. Нина ни за что не приблизилась бы к окровавленному трупу, а он запросто! Она отвела глаза в сторону и уставилась на мужские вещи, в беспорядке брошенные на кресле. И на вещи убитого не могла смотреть. Взгляд остановился на тумбочке. А там золотые украшения, Валькины украшения...

– Вода! – вдруг произнес Глеб и выпрямился.

– Что – вода? – спросила Нина.

– Не льется... – И Глеб рванул в ванную комнату.

Но вышел почти сразу, был озадачен. Метнулся к окну, приоткрыл шторы, потом вернулся к кровати. Нина, видя, с каким спокойствием он рассматривает теперь уже труп жены, испугалась не на шутку. Только убийца может быть так спокоен! И убийцу всегда тянет на место преступления – сто

раз в книгах читала. А он еще и произнес над трупом истерзанной жены:

– Тварь!

Нину окончательно повело, шатаясь, она вышла из спальни и остановилась у стены, проглатывая тошноту. Этот запах чудился везде, даже в платочке, которым она прикрывала нос и рот, перебивая аромат духов. Глеб еще долго возился, а может, Нине это показалось. Она будто провалилась куда-то, не ощущала времени. Вдруг кто-то тронул ее за плечо, Нина вскрикнула.

– Ты что? Это я, – сказал Глеб. – Идем.

Быстро спустились вниз, только Глеб и не думал уходить. Он достал баул, перерыл полки, забрал видеокассеты, а было их много, все не поместились. Глеб куда-то сходил, принес еще одну сумку, кое-как запихнул туда оставшиеся кассеты. Нина уже ничего не соображала, даже тогда, когда вместе с Глебом очутилась на улице. Не соображала и тогда, когда ехала в машине. Не соображала и ничего не видела. Только синий, красный, желтый, белый. Цвета резали глаза. И Валька. И труп мужчины. И кровь, много крови. И запах этой самой крови...

Только тогда, когда они подъехали к ее дому, старому дому, который давно пора занести в Книгу рекордов Гиннеса за долголетие и количество тараканов в нем, она очнулась. Выйдя из машины, Нина сделала глубокий вдох, но запах крови чувствовался в холодном мартовском воздухе. Терп-

кий, тягучий, приторный... Тут-то Нина и дала себе волю. Она блевала долго, упираясь одной рукой в крыло автомобиля, другой – держась за грудь. Ее выворачивало и тогда, когда уже нечего было выдать наружу. А Глеб нервно курил в сторонке, ибо помочь ей не мог. Потом Нина опустилась на ступеньку джипа и некоторое время дышала.

– Тебе легче? – осведомился Глеб.

– Кажется, – пробормотала Нина, вытираясь платочком.

– У тебя есть гараж? Надо куда-то поставить джип.

– Есть, – выдавила она и побрела к гаражу. – Только автобус туда не поместится.

Глеб делал невероятные усилия, чтобы втиснуть джип в гараж, поминутно чертыхался. Поцарапал бок. Но теперь это было неважно: джип, царапина. Нина стояла с полным безразличием, опираясь плечом о железную стену гаража. Глеб все же еле-еле въехал, закрыл гараж, не забыв прихватить сумки.

Дом Нины состоял из коммунальных квартир, основная часть жильцов люди неимущие, оттого злые. Нина открыла входную дверь, они вошли. Комнаты располагались по одной стороне длинного коридора, по другую сторону были туалет, ванная и большая кухня, где стояли столы каждого хозяина – всего четыре. Комната Нины была тридцать метров. Войдя в свою берлогу, она механически постелила на софе и раскладном кресле, переделалась в ночную сорочку и рухнула на постель, не сказав Глебу ни слова. Он догадался, что рас-

кладное кресло предназначено для него, разделся и лег. Через минуту сказал:

– Я не помещаюсь здесь.

– А ты подожди ноги, – пробормотала Нина.

– Я подставлю стулья? – спросил он.

Нина не ответила, так как внезапно попала в черную дыру и неслась, неслась куда-то. Поначалу она пролетала яркие пятна все тех же цветов: синего, красного, белого и желтого. А потом все разом исчезло.

4

Голова была тяжелая, когда Нина проснулась, словно вчера напилась в стельку. Она потянулась, перевернулась на бок и тут увидела Глеба. Он смотрел в потолок. Нина сразу закрыла глаза, притворившись спящей.

В день его свадьбы не удержалась, побежала посмотреть на женщину, так легко отбившую у нее Глеба. Нина изменила внешность с помощью парика, взятого у подруги, черных очков и шляпы. Глеб все равно не смотрел по сторонам, упивался своей Валькой. А она действительно была хороша, до того хороша, что хотелось завывать от зависти. Нет, Нина не уродка, знакомые говорят, что она красивая. Но тогда у нее возник комплекс неполноценности, она ненавидела себя и Глеба, ненавидела Вальку, затмившую собой весь свет. Валька была безумно красива, из богатой семьи, великолепно одевалась, умело пользовалась косметикой, вращалась в элитных кругах. У нее было все, о чем можно мечтать. А у Нины на дорогую косметику и одежду не было средств, не было и полезных знакомств. Все, что она могла предложить, – это естественную красоту, которой никого не удивишь, скромные наряды, и тех было немного. Ну, безграничную любовь. Еще интеллект, да кому он нужен? Глебу «богатств» Нины оказалось мало. За броской внешностью Вальки он не разглядел тупую, фальшивую, похотливую самку,

а Нина разглядела, отчего обида надолго выбила ее из жизни. Четыре месяца Нину преследовала одна мысль: хочу умереть. Она не могла жить без Глеба, не могла принять то, что он бросил ее, не могла тянуть копейки, а их страшно не хватало.

И вдруг на Нину свалилась манна небесная в виде наследства! Умер папа от инсульта. С папой она не контактила. Мама бросила ее и папу, бабушка забрала Нину к себе, а папа не хотел видеть дочь, напоминавшую ему жену. Куда делась мама, Нина до сих пор не знает, а случилось это давным-давно. Папа платил бабушке – маминой маме – алименты до восемнадцати лет, но о дочери знать ничего не желал. Потом умерла бабушка, оставив ей комнату в коммунальной квартире с бабульками по соседству и ни копейки денег. На похороны собирали всем домом. Было стыдно, а куда деться? Собственно, дело это прошлое, о нем не хотелось вспоминать, потому что сейчас у Нины полный порядок. Являясь единственной наследницей папы, Нина получила прекрасный дом, старенькую машину «копейку», на которой сейчас ездит, и небольшой денежный вклад. Она не стала упиваться свалившимся богатством. Правда, вступив в права наследования, первое время отъедалась. Ела и ела без остановки месяца три! Самое интересное – не растолстела! Даже не поправилась! Видимо, организм истощился настолько, что никак не мог напитаться витаминами, аминокислотами и прочими полезными веществами.

Деньги с папиной сберкнижки растаяли быстро. Что дальше? Так возник вопрос, чем заняться. Больше попадать в зависимое положение Нина не хотела, значит, надо было позаботиться о работе, а точнее, о собственном деле. Поразмыслив, Нина остановила выбор на маленьком кафе. Ведь она умеет готовить! Это и есть ее талант. Кстати, во времена нищеты ее приглашали готовить на торжества состоятельные люди по протекции приятелей, разумеется, платили. Нина умела не только приготовить исключительно вкусные блюда, но и сэкономить деньги клиентам. Экономят все, от богатых до бедных, разница лишь в количестве сэкономленных денег. Если богач покупал мяса десять килограммов, Нина обходилась шестью, и все гости млели от удовольствия, вкушая блюда, само собой ее очень ценили. А уж ее торты и десерты не шли ни в какое сравнение с производителями города. Этим и промышляла в свободное от швабры время. Безусловно, друзей интересовало, где Нина научилась так здорово готовить. «Эх, господа, – отвечала она, – из хороших продуктов только лентяй не приготовит. А вы попробуйте из одной курицы сделать пять блюд, и чтобы они были вкусными. Попробуйте из обычной каши приготовить кушанье, тающее во рту! Бедность научила меня хорошо готовить». Это была чистая правда. Нина собирала рецепты, надеясь, что когда-нибудь они пригодятся. Пригодились.

Она продала папину усадьбу и скарб, присмотрела подходящее помещение, занялась оформлением документов. Од-

новременно закончила бухгалтерские курсы. Бухгалтер у нее есть, только Нина хочет разбираться во всем сама. Денег хватило снять в долгосрочную аренду небольшое помещение с последующим выкупом, на ремонт, документацию, взятки чиновникам, приобретение посуды и прочих мелочей для кафе. Нина осталась жить в коммуналке. Ничего, заработает и на квартиру, теперь она в этом не сомневалась. Довольно быстро ресторанчик стал популярен в городе. Недалеко был институт, и Нина наладила выпуск дешевых и вкусных пицц, пирожков, тающих во рту, всяческих пирожных. Студенты охотно покупали ее изделия в ларьке приятеля, а пиццы заказывали горожане на дом. Вечером к ней (кафе так и называлось «У Нины») шли отдохнуть и поесть экзотических блюд. Нина разрешила трем музыкантам петь в зале и не брала с них за аренду – это ведь и ее реклама. Часто сама становилась за плиту или обслуживала клиентов, когда их было полно, – чай, не барыня. Ее по-прежнему приглашали состоятельные люди готовить изысканные блюда на торжества, когда хотели отметить праздник дома. Только теперь Нина брала с них не копейки, как раньше, а приличные суммы. Она модный повар! И пусть диплом о высшем образовании покоится в столе, зато Нина ни от кого не зависит. Доход был пока маленький, есть долги, но слава о ней бежит по городу. И штат ресторана небольшой: бухгалтер, три официантки (столиков всего пятнадцать), бармен, четыре поварихи и уборщица. Водителю за развоз пицц платит наличкой,

не фиксируя эти деньги в ведомостях. Она была почти счастлива и вдруг... Глеб! Да с таким убийственным багажом на плечах!

Нина вдруг очнулась: а сколько времени? Ей же на рынок надо за продуктами для кафе! На рынке можно поторговаться, оптом покупать намного дешевле, чем в розницу. Но как не хотелось разговаривать с Глебом, вспоминать ужасную ночь... да все равно встать придется. А в коридоре слышалась возня бабулек, грохали кастрюли. Нина села на кровати, Глеб сразу повернул к ней лицо:

– Доброе утро.

– Угу, – кивнула. – Если оно доброе.

Она набросила халат, поплелась в ванную умыться. Ванная была занята. Нина скрестила руки на груди и ждала, а сама видела: синий, белый, красный, желтый... У Вальки были желтые волосы, крашенные. Нина натуральная блондинка с черными бровями. Она перекрасилась в черный цвет и сделала стрижку, чтобы ничто не напоминало ей Вальку, даже собственные волосы. Кстати, черные волосы идут больше к ее фиалковым глазам и черным бровям. Из ванной наконец выползла Матильда Степановна – бывшая учительница семидесяти трех лет. Она бережет здоровье за счет того, что отбирает его у других своими претензиями.

– Ниночка, – всплеснула она руками, будто увидела Нину в голом виде, – ты вчера оставила посуду в раковине. Я же просила тебя...

– Помню, – хмуро перебила ее Нина и скрылась в ванной. – Не буду.

– Ниночка, – говорила Матильда Степановна под дверью, – эта неделя уборки твоя, а ты не только не моешь полы в коридоре, ванной, туалете и на кухне, но и посуду оставляешь. Пожалуйста, миленькая, будь повнимательней. Я знаю, ты много работаешь, но коллективное проживание требует неукоснительного соблюдения правил...

Нина, взяв щеткой по зубам, подумала: «В следующий раз я не пирога тебе дам, а булочку с дустом, зануда». В кухне она поставила на плиту сковороду, нарезала колбасы и вбила семь яиц. Пришлепала пролетарка Мария Борисовна шестидесяти пяти лет. Она до сих пор не предала партию, носится на сходки коммунистов, читает прессу, смотрит новости, по утрам делает зарядку, митингует на кухне. Она постоянно чем-то озабочена, всегда сурова, редко улыбается.

– Нин, а Нин, чего это ты столько яиц вбила? – сунула нос в сковороду. – Вредно столько-то. Одно яйцо в неделю надо, так врачи советуют.

– Врачи говорят, что и жить вредно, – проворчала Нина, ставя сковороду на поднос. – Говорят, все равно умрешь.

– Тю на тебя, Нинка, – замахала рукой Машка Цеткин, так в память немецкой коммунистки Нина окрестила старуху. – У вас, молодых, нет тяги к жизни, вот и мелете языком черт-те что. Потому что без идей живете, у вас одни деньги на уме...

Нина схватила поднос и под идейный монолог Машки Цеткин понесла его к себе. Из соседней комнаты донеслось:

– Ниночка, не могла бы ты зайти ко мне?

Это Любочка Алексеевна. Она работала на швейной фабрике швеей, вследствие сидячего образа жизни сильно располнела, а холод на фабрике в зимнее время привел к ревматизму ног. Теперь из-за больных ног Любочка Алексеевна передвигается при помощи клюки. Она не лезла в личную жизнь Нины и шила ей наряды не хуже фирменных.

– Сейчас, – откликнулась Нина, поставила поднос на стол и сказала Глебу: – Ешь. Посуда в буфете. Хлеб тоже.

Любочка Алексеевна дала ей вырезки из газет с рецептами, она всегда собирает рецепты для Нины. И посуду из раковины убирала, и полы мыла вместо Нины, хотя ходит с палочкой, и не пилила за это. Она похожа на бабушку.

– Ты сегодня бледная, Ниночка, – глядя на нее через очки, сказала Любочка Алексеевна. – Не заболела?

– Нет, все в порядке. Спасибо за рецепты.

Глеб сосредоточенно резал хлеб, когда вошла Нина.

– А как мне умыться? – спросил он шепотом.

– В ванной.

– Меня никто не должен видеть, ты разве забыла?

Ах да, забыла – синий, белый, красный, желтый... Нина отыскала в буфете кувшин, на кухне набрала воды, захватила из ванной тазик и мыло. Она лила Глебу воду на руки и думала: «Мне приснилось или нет? Неужели это ты сделал?»

Не верю... наверное, не хочу верить. Я дура, обыкновенная дура. Как же мне быть? Может, пусть он сам справляется со своими проблемами?»

– Спасибо, – произнес он, стряхивая руки.

Нина дала ему полотенце. Ели молча и без аппетита. Вернее, ел он, а Нина всего-то и проглотила половину желтка. Синий, красный... а желтый и белый на тарелке. Все, есть не хочется. Нина выпила кофе, тоже не весь, отнесла поднос на кухню. Машка Цеткин готовила себе завтрак – овсянку, ну и заметила:

– Нин, а Нин, ты из двух чашек пила?

– Ну да, – невозмутимо сказала Нина. – А что, нельзя?

Машка Цеткин пожала плечами, удивленно глядя на чашки, а Нина вернулась в комнату, переоделась и приступила к макияжу.

– Ты уходишь? – задал глупый вопрос Глеб.

– Разумеется, – отозвалась она, подправляя тушью ресницы. И вдруг остановилась. – Как же я на рынок поеду? Моя «копейка» у кафе.

– Держи, – протянул он ключи от джипа.

– С ума сошел? Во-первых, я не справлюсь с управлением, потому что никогда не водила иномарку. Во-вторых, по твоей машине вычислят, где ты обитаешь.

– Ее только вчера пригнали, я не оформил машину, так что она пока ничейная и никто о ней не знает, вообще никто. А как ею управлять, покажу ночью. Да, у тебя есть ви-

деомагнитофон?

– Нет. Я и телевизор-то смотрю редко. Некогда.

– Возьми деньги. – Он достал доллары из кейса. – Купи видак, еще спортивный костюм мне, зубную щетку. Пока все.

Она взяла деньги, кинула в сумочку и пошла к двери.

– Нино, – остановил он ее. – Есть щепетильный вопрос.

Как быть с туалетом?

Нина, не говоря ни слова, вышла. Вернулась с эмалированным ведром, накрытым крышкой, поставила в углу:

– Вот тебе туалет. Потом я вынесу.

– Издеваешься? Я так не могу.

– Тогда терпи до ночи. Чао, дорогой, вернусь поздно.

Сказала и ушла. Денег он дал больше, чем могло понадобиться, поэтому Нина взяла такси и поехала на рынок. Голова была чугунная, казалось, вот-вот отвалится.

Кафе открывалось в двенадцать, за полтора часа до открытия работники должны быть на местах. Нина приехала раньше всех, выгрузила пакеты и возилась у черного хода с замками.

– Привет, Нинка, – услышала она сзади голос Долли.

Вообще-то она Дашка, но в кафе ее так никто не называл, только Долли, а Нина звала еще – Долька. Остряки считают, что на «дольку» она не тянет из-за параметров, а вот на массивный кусок сладкого пряника вполне. Долли к остротам была равнодушно-снисходительна, однако на самом деле являлась женщиной знойной и большой, с выдающейся далеко вперед грудью. Ей тридцать четыре, ни разу не была замужем и не стремилась «надеть на себя хомут», как она выражается. Глаза у нее необыкновенной красоты – огромные, с поволокой, с длинными ресницами. Она бухгалтер у Нины и ее самая близкая подруга. Когда на Дольку находит вдохновение, она поет джаз, а «Хэлло, Долли!» получается у нее не хуже, чем у Армстронга. Долли говорит протяжно и низким голосом, зато считает быстро, без калькулятора справляется с жутким числом цифр, но все же предпочитает вести подсчеты на машине. Последнее время заимела хобби. Мало того что она запоем читает любовные романы, так теперь еще и пишет их. Правда, свои романы Долли еще не посылала

в издательство, но написала уже штук пять. А читает опусы исключительно Нине вслух. В сущности, Долька – добрый и чувствительный человек. Они познакомились на улице в тот период, когда Нине свет был не мил, потом стали работать вместе. Нина очень к ней привязалась, но события этой ночи даже Дольке нельзя рассказать.

– Не спала ночь, – докладывала Долли, помогая Нине перенести сумки на кухню, а потом переложить в холодильник продукты. – Писала. Что собираешься сейчас делать?

– Я? – переспросила Нина. – Ремонт займусь. Надоел бардак.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Долли. – А я почитаю тебе. Идет?

Нина взглянула на подругу. Как же ей не терпелось изложить выдуманнные страсти! А Нине хотелось побыть одной, подумать. Но обижать Дольку не стала. Они пришли в кабинет, Нина переделалась в старые брюки и свитер, принялась клеить обои на второй стене. Долли уселась на стул в углу, закурила и забормотала:

– Я остановилась, когда княжна Натали собиралась пойти на свидание к учителю... так... где же это... Ага, вот. Написала за вчерашний вечер и ночь тридцать страниц...

«Плодовитая», – вяло констатировала факт Нина, разводя в ведре клей.

– «Натали проникла в сад, когда луна выглянула из-за деревьев, – самозабвенно начала Долли. – Она бежала, словно

летела на крыльях. Впрочем, у нее на самом деле выросли крылья – невидимые крылья любви. Они и несли ее к человеку, который вот уже месяц занимал все ее помыслы. Княжна еще не понимала той страсти, которая охватила все ее девичье тело, но чувствовала, что сегодня случится нечто незабываемое. От этого ее щеки пылали, а в груди испуганно билось сердце...»

«Я здорово вляпалась, – думала в это время Нина. – Глеб появился, и у меня произошло помутнение рассудка. Это он убил, никто другой. Уж я-то знаю, какой он ревнивый. Увидел свою выдру с другим, да на собственной постели, разыграло самолюбие, мозги отключились, вот и убил обоих. Только такая дура, как я, поверила... Ой, да не верила с самого начала, просто казалось, что этого не может быть...»

– «...Блеск луны отразился в пруду, вдали белела беседка, – доносился до сознания голос Долли. – Он должен быть там. Натали замедлила шаг, унимая разгоряченную кровь и бешеную скачку сердца. Виктор увидел белое пятно издали. “Это она”, – сказал себе и помчался навстречу. Они обнялись. Натали больше не была неприступной княжной, в его руках трепетала обычная девушка, каких соблазнял он и раньше. Но сейчас никого не было лучше, желаннее Натали. Он, изощренный во всех тонкостях...» Как думаешь, Нинка, – обратилась Долли к подруге, – будет лучше, если оставить «во всех тонкостях секса» или заменить на «любовь»?

– Не знаю, тебе видней, – рассеянно ответила Нина.

– Тогда оставлю «секс», это современно. «Он взял ее за подбородок и прильнул к горячим губам...»

«Боже мой, неужели кто-то еще пишет такую чушь? – подумала Нина, намазывая клей на обратную сторону обоев. – Что же мне делать? Это он убил, он. А я приходила с ним в дом. Я стала его сообщницей. Прекрасно! Его найдут и посадят. Меня посадят тоже. Ну, нет, сегодня же предложу ему покинуть мою нору. Почему я поперлась в его дом?! Чего мне не хватало? Он только разрушает мою жизнь». Вдруг Нина прислушалась:

– «Она подчинилась его рукам и напору. Разве могло быть иначе? Нет! Натали не могла сопротивляться, потому что в этот момент парила над землей. Он пронзил ее тело. Натали вскрикнула, испытывая блаженство, охватившее всю ее. Губы пересохли, она хватала ртом воздух...»

Да, эта Натали похожа на вчерашнюю Нину, такая же идиотка недоразвитая. Захотел бы Глеб вчера соблазнить бывшую любовницу, вряд ли бы встретил сопротивление. И щеки горели, и губы пересохли, и остатки мозгов сбежали. Все верно. Это глупо. Нелепо. Где же выход?

– Долька, – прервала ее Нина, – а почему ты пишешь про княгинь и графов?

– Но... – растерялась Долли, – в любовных романах чаще описывается высший свет. Понимаешь, когда пишешь про графов, есть где разгуляться фантазии: интерьеры, романтический флер, наряды... Кстати, у меня в этом романе есть и

пара из народа, крестьяне. Ты разве не помнишь?

– Да помню, – вздохнула Нина, встала на табурет и приладила полоску обоев к стене. – Я не о том. Почему бы тебе не написать про современных людей?

– Это неинтересно, – махнула рукой Долли. – Миллион раз читала про современность, от скуки чуть не сдохла. В современном мире люди грубые, некультурные, вульгарные. Секс у них как спорт... а я пишу о любви.

– А хочешь, сюжет подброшу?

– Ну, давай, – согласилась Долли, не желая обидеть Нину отказом. Она с неохотой отложила тетрадь, закурила еще одну сигарету, приготовившись слушать.

– Жили-были... – начала Нина, поглаживая тряпкой стену, – мужчина и женщина. Молодые, симпатичные. Он соби-рался жениться на ней. Однажды он едет в горы и встречает там очень красивую девушку, у него пошла кругом голова. Он приехал и объявил своей невесте, что любит другую.

– Свинья, – протянула Долли. – Вот тебе современность: никакой возвышенности.

– Погоди. Он женился на этой девушке, а его невеста хотела умереть. Разве это не возвышенные чувства? Прошло два года. Невеста нашла себя в... работе, у нее все хорошо складывалось. Однажды поздним вечером он пришел к ней. И она вдруг поняла, что все еще... привязана к нему. А он пришел не потому, что любит ее, а потому, что случилось нечто ужасное. В этот вечер он вернулся домой и нашел свою

жену на постели мертвой. Всю в крови. На синем постельном белье отчетливо выделялись ее белое тело, желтые кудри волос и красная кровь... густая, яркая...

– Это другой жанр. Детектив.

– Там же, на полу... – не услышала реплики подруги Нина, – лежал и обнаженный мужчина, ее любовник, его тоже убили. Бывшая невеста не поверила ему, в такое же трудно поверить, а он попросил помощи. И она согласилась спрятать его. Только сначала они поехали в тот дом, где лежали два мертвых тела.

– Они больные? Зачем ехать к трупам?

– Не перебивай. Он хотел забрать из дома ценности, так как теперь ему предстояло уйти в подполье. И вот когда бывшая невеста увидела эту кровавую картину...

– Ее вырвало, – догадалась Долли.

– Не сразу, позже. Они забрали деньги, стерли отпечатки пальцев и поехали к ней домой. Что ты думаешь по этому поводу? Тебе не кажется, что это он убил?

– Безусловно, он, – в знак согласия кивнула Долли. – Факты на поверхности, это неинтересно.

– Но он говорит, что не убивал, что это сделал кто-то другой, – искала поддержки Нина. – Поэтому попросил спрятать его, ведь он становился главным подозреваемым. Этот человек хотел сам разобраться, найти убийцу, а не сесть за чужое преступление... Такое возможно, как ты думаешь?

– Наверно, возможно, – пожала плечами Долли. – Но сю-

жет избитый: приходит муж домой, жена убита, его сажают, или он сам ведет расследование, убегая от полиции, которая считает его убийцей. Сто раз читала или в кино видела.

– Да? – оживилась Нина, смотревшая телевизор крайне редко, а в кино вообще не ходила. – И что же в результате? Чем заканчивалось дело?

– Справедливость торжествовала, убийцу находили.

– А из-за чего убивали жен в кино?

– Ну, по разным причинам. Чтобы мужа засадить, потому что он кому-то мешает. Или случайно забрался маньяк, убил и смылся, или любовник убил ее, потому что чокнутый. Разные мотивы.

– Значит, ему можно верить?

– Кому?

– Ну, этому... бывшему жениху?

– Зачем? Он бросил ее, сделал свой выбор. А как прижучило, к ней пришел, мол, помоги? Это непорядочно. А она дура, раз пошла с ним домой, где он убил жену, застукав с любовником. Своим поведением он ее подставляет. Я про таких подонков писать не буду. Читать дальше?

К счастью, в кафе пришли поварахи, и Нине не пришлось слушать ахинею про княжну Натали и учителя Виктора. Следовало заняться работой, ведь сегодня пятница – день сложный. Заказов на пиццу поступило много – и на полуфабрикаты, и на готовые изделия. Примерно с часу пойдет народ, еще следовало испечь партию пирожков и булок для студен-

тов. Рук не хватает, пора нанимать работников, хотя бы двух.

Нина занималась обедами для клиентов, носясь как метеор по кухне, остальные поварахи готовили выпечку, лишь одна помогала Нине. В такие моменты и Долька приходила на кухню помочь управиться. Несмотря на напряженный день, Нина неустанно решала проблему: прогонять Глеба или не прогонять?

За то, чтобы прогнать, было много причин. Он вернулся в дом, где лежали два трупа, которые его не смутили. Он стер отпечатки, оставил открытым сейф, не удосужился аккуратно сделать обыск, все вываливал абы как, оставил полный бардак. Отсюда вывод: он мастерил себе алиби! Что подумает полиция? Преступник пришел в дом с целью ограбления, обнаружил, что в доме есть люди, убил их, затем перевернул все вверх дном. Так, дальше. Глеб слишком хладнокровно забирал вещи из дома, рассудочно. Человек, не совершивший преступления, просто не может оставаться спокойным. А зачем осматривал трупы? По идее он должен был быстрее бежать прочь. Уходя, Глеб сказал, глядя на Вальку: «Тварь». И ни тени жалости к несчастной.

За то, чтобы не прогонять, тоже было достаточно причин. Под воздействием шока он носился два часа по городу, значит, к мысли, что Валька и ее любовник убиты, привык, следовательно, его хладнокровие не должно удивлять. Это мужественный поступок – второй раз смотреть на зверски убитых людей, вызван он чувством самосохранения. Глеб пра-

вильно создал беспорядок, чтобы отвести от себя подозрения. А кто была Валька, как не тварь? И главное – человек, благополучный во всех отношениях, не захочет все терять из-за шлюхи-жены. Ее достаточно выгнать.

Пятьдесят на пятьдесят. Что же делать? И совета не у кого спросить. Нина должна сама решить. Ага, вот и вопрос логически вытек: а почему она мучается проблемой выбора? Это проблемы Глеба, который бросил ее в свое время. Она должна страстно, безумно, как в дурацких романах Дольки, ненавидеть его. И ненавидела. Пока он не пришел к ней вчера. Ясно одно: у Нины не прошло влечение к Глебу, наверное, это называется одним словом – любовь. Та любовь, в которой Долька ничего не смыслит, но иногда описывает удивительно точно. Единственное, чего не могла позволить себе Нина, так это простить его. Потом, когда он поймет, кого бросил, когда в нем проснутся прежние чувства, когда он захочет быть рядом с ней всю жизнь, вот тогда она скажет ему: уходи! И все! Нина удовлетворит самолюбие, отомстит, заберет свои пятьдесят тысяч долларов. А он будет страдать в одиночестве, как страдала она. Заманчиво. Ради этого стоило помочь ему. Настроение улучшилось.

Она нашла время вырваться, поменяла доллары на рубли, купила видеомаягнитофон и спортивный костюм. Нина постоянно поглядывала на часы, впервые подгоняя время. Свое детище кафе сегодня собралась покинуть раньше обычного.

Миша развез пиццы по домам, потом долго сидел возле

Нины в зале, когда она занялась подсчетами, – в отдельную тетрадь записывала по числам, что и на какую сумму купила. Миша в общем-то хороший парень, ровесник Глеба, занимался частным извозом, подрабатывал у Нины. Но последнее время он ее раздражал. Больше всего выводило Нину его молчание. Сядет и сидит, потягивая минеральную воду. И смотрит. Разумеется, на нее смотрит, будто она витрина. Он рослый малый, внешне симпатичный, но и только. Однажды он выручил Нину, когда трое подростков вознамерились ограбить ее. Миша сидел в своей тачке в ожидании клиентов, выключив фары. Нина возвращалась домой после работы, как раз сломалась «копейка». Трое маленьких негодяев попытались отобрать сумочку, а один мерзавец принялся еще и лапать Нину! Миша выскочил из машины и разогнал грабителей, те пустились наутек. Он подвез ее до дома, они познакомились, тогда-то она и предложила ему дополнительную работу. Из благодарности не хамила ему, когда он садился рядом и доканывал многозначительным молчанием. Предложил бы переспать, она бы сразу расставила все точки над «i». Но он никогда ни намеком не давал понять, что ему надо, оставалось только догадываться. Нине не к чему придраться, потому она всегда с ним была вежлива. Дольке Миша нравился, но не как мужчина, романы ей замещали всех мужчин мира. Она говорит, что Миша человек надежный, как банковский сейф, а это сейчас редкость. К тому же своим спокойным характером он уравновесил бы Нину, которая

не знает, что такое спокойствие, и другим не дает узнать. За Долькой тоже ухаживает один – Жора с тремя золотыми зубами, с автомобилем «Хонда», с трехкомнатной квартирой. Жора такой же толстый, как Долли, весельчак, ржет без причин. Долька его игнорирует, а Нина обожает, потому что в ее кафе он всякий раз оставляет уйму денег.

В кафе посетителей было довольно много, однако некоторые столики пустовали. Это всегда огорчало Нину, но не сегодня. Видя, что клиентов больше не прибавится, она оставила запасные ключи старшей поварихе, села в свою «копейку» и укатила домой. Первой ее встретила Матильда Степановна:

– Ниночка, ты забыла выключить свет в комнате.

– Да что вы! – ахнула Нина, продвигаясь по коридору с сумками. – Больше не буду.

Это была коронная фраза в общении с Матильдой Степановной – «больше не буду». Когда-то Нина огрызалась на все ее замечания, но Матильда выдавала в ответ монологи длительностью в полдня. Эта низенькая, тщедушная и сморщенная старушка, с ореолом редких и седых волосенок вокруг головы вредная до ужаса. Неудивительно, что осталась одна. Впрочем, все бабульки в квартире – женщины одинокие. Долька даже позавидовала:

– Помрут бабки, оставят свои каморки тебе, будешь хозяйкой огромной квартиры.

– Раньше они меня в гроб загонят, – отшучивалась Нина.

Она открыла свою комнату ключом. Конечно, Глеб включил настольную лампу у софы – не сидеть же ему в темноте, – а Матильда заметила свет. Все замечает!

6

Он лежал на ее софе, рассматривая записные книжки. Книжек было несколько, все разбросаны на покрывале. Там же в беспорядке валялись визитные карточки, записки. Увидев Нину, он поднялся. Она сразу включила телевизор, ведь им нельзя разговаривать без постороннего шума. Вынимая из сумки провизию, спросила:

– Как провел время?

– За чтением, – мрачно ответил он. – У Валентины много записных книжек, я нашел их в сумках и в несессере, который она запирала на код. И вот что обнаружил в несессере, смотри: целая книга. На английском, почерк Валентины. Ты английский знаешь?

Нина взяла толстенькую книжечку в кожаном переплете, исписанную мелким почерком, пролистала. Там были и рисунки – карикатуры. Вернула со словами:

– Нет, Глеб, я не знаю английского языка. А ты разве не знаешь?

– Совсем немного, – вздохнул он. – Курить хочется страшно.

– Кури, я потом проветрю, – разрешила она.

Он судорожно затянулся сигаретой. В это время послышался голос Матильды:

– Ниночка, уменьши звук телевизора, он же орет.

Пришлось громкость убавить и перейти на чуть слышный шепот.

– У тебя есть знакомые, которые владеют английским языком? – осведомился он.

– Спрошу у Долли. Она, кажется, знает какой-то иностранный язык, но не помню, какой. Вот тебе видеомэгнитофон, а вот костюм.

– Спасибо, – сказал Глеб и сначала переоделся в костюм.

– Ниночка, это от тебя несет сигаретами? – Опять Матильда Степановна!

– Да! – рывкнула Нина, схватила пачку, прикурила и вышла в коридор. Матильда стояла неподалеку от ее комнаты. Завидев Нину, понеслась на кухню. – Я уже большая, Матильда Степановна! Можно я буду делать то, что хочу?

– Нин, – выглянула из кухни Машка Цеткин, – ты ж не куришь.

– Курю. – И Нина продемонстрировала умение курить. Наверно, любой человек пробовал курить хоть раз в жизни. Нина знала, как затягиваться, чтобы дым не вызвал дикий кашель и головокружение, но создавалась видимость, будто она курит.

– Совсем испортилась ты, Нинка, – подвела итог ее поведению Машка Цеткин. – Все бизнесменши люди испорченные. Как же! Бары-рестораны, алкоголь и папиросы... и разврат! Раньше-то никакого разврата не было, а нынче один разврат, куда ни кинься!

Фыркнув, Нина вернулась в комнату, бросила сигарету на тарелку, которую поставила перед Глебом вместо пепельницы. Он сразу подхватил сигарету и затянулся.

– Нет, – сказал, – здесь нельзя жить. Одни шпионки под боком! Обязательно пронюхают, что у тебя прячется мужчина. Сними квартиру.

– Мысль неплохая, – с негативным оттенком произнесла Нина. – Но подумай. Здесь тебя вряд ли станут искать. Сиди тихо, они и не узнают.

– Это невозможно, – возразил он. – Кто-нибудь из них постоянно дома, все равно рано или поздно заметят меня.

Нина подогрела в микроволновой печи пиццу, нарезала на кусочки. Достала мясной рулет из холодильника и сыр. Включила электрический чайник. За весь день она ничего не ела. Постоянно перед глазами видела: синий, красный, белый, желтый. И аппетит улетучивался мгновенно. Но человек есть человек, а голод не тетка. Нина пригласила Глеба за стол, оба, не торопясь, приступили к ужину.

– Ты придумал, с чего начинать? – спросила Нина. Ведь это он должен наметить план действий. Она просто понятия не имеет, что делать в данной ситуации.

Глеб отрицательно качнул головой, некоторое время помолчал, медленно пережевывая мясо, потом запил чаем и сказал:

– В записных книжечках Валентины много номеров телефонов, большая часть их мне незнакома. У нее была своя

жизнь, а я о ней, оказывается, не знал.

– Думаешь, кто-то из этих людей?.. – Нина не посмела произнести слово «убил». Это такое страшное слово, что мороз пробежал по коже всякий раз, едва его вспоминала.

– Думаю, да, – кивнул он. – Надо узнать, что она записывала в тетради. Писала на английском, значит, не хотела, чтобы это прочли. Может, там есть ключ к разгадке. Или какой-то намек. Ну хоть что-нибудь. И еще: надо проверить номера телефонов, узнать, кто эти люди из ее записных книжек. Да, Нино, у тебя же есть знакомые в артистической среде?

– Ну, есть из самодеятельности.

– Узнай, как изменить внешность. Попробую замаскироваться и выйти наружу.

– Хорошо, я спрошу.

Он замер, глядя перед собой. Нина искоса поглядывала на него, а Глеб этого не замечал. Он словно перенесся мыслью куда-то далеко, отключился от реальности. Глебу тридцать три, но выглядел он несколько старше. Родители Глеба – вечные функционеры. Что при Советах сидели в креслах руководителей, что при демократах сидят. Однако новая власть дала им возможность «прихватизировать» предприятия, заняться бизнесом, у них появилось много денег. Как все люди в государстве, Нина интересовалась политикой, а точнее: что же еще придумали законодатели, дабы усложнить жизнь предпринимателя. Вот и весь интерес. Но, являясь человеком неглупым, она задумывалась и над тем, почему некото-

рым личностям удалось единым махом обогатиться. Первыми догадались о выгодах нового времени именно функционеры, будто специально для них произошел в стране переворот. Папа с мамой Глеба были в первых рядах по разграблению. И как водится, в бумагах сын являлся владельцем всего достояния. Насколько ей известно, Глеб особого рвения к работе по бизнесу не проявлял, он ленивый, но деньги всегда любил. Впрочем, кто же их не любит? Поскольку папа с мамой в глазах народа должны выглядеть почти неимущими, Глебу пришлось взвалить на себя предприятия. Когда он хотел жениться на Нине, родители были категорически против. Как же, девушка ничего не могла принести в их исключительную семью. Нина была для них слишком проста, нищая, с дурным вкусом – одевалась плохо. Из-за родителей они часто ссорились, потому что Нина не сносила унижений, а он был преданным сыном. Потом за месяц до свадьбы прозвучала чудовищная фраза: «Я люблю другую». Даже сейчас Нина поежилась, вспоминая эту фразу и жалкий взгляд Глеба, мол, прости и отпусти. Она гордо ушла. Ревела, когда никто не видел...

– Знаешь, – прервал ее размышления он, – меня кое-что беспокоит.

– А именно? – с деланным равнодушием спросила она, намазывая горчицей ломтик мяса. Пусть знает, что его проблемы остаются его проблемами, Нина помогает ему из-за денег, и только.

– Когда я вчера был в доме первый раз и увидел их, в ванной работал душ. А когда мы туда приехали с тобой, вода была отключена.

– И что? Я не понимаю.

– Тот, кто их убил, был в ванной.

– Подожди-ка. Ты хочешь сказать, что убийца еще не ушел, когда ты вошел в спальню?

– Да. Он был там. Я убежал. Он выключил воду и ушел.

– Какой ужас! А почему он не прикончил и тебя?

– Зачем? – поднял на нее потерянные глаза Глеб, Нине даже жалко его стало. – Он рассчитал хорошо. Убил двоих в спальне. Что подумает полиция? Оба голые, значит, занимались любовью, когда вошел муж. Муж, то есть я, и прикончил.

– Убедительно. А у тебя есть алиби? Это очень важно. Если ты с кем-нибудь общался в момент убийства или тебя кто-нибудь видел, то бояться нечего.

– У меня нет алиби, – сумрачно признался Глеб. – Я должен был идти на банкет. Но мне позвонил водитель, перегонявший джип, и сказал, что вернулся раньше времени. Я забрал машину... М-да, стечение обстоятельств не в мою пользу.

– А почему Валь... – чуть не сказала «Валька». – Почему Валентина не пошла с тобой на банкет?

– Голова у нее болела, – зло и презрительно бросил он. – Но и я не пошел, джип для меня важнее оказался, да и ра-

боты накопилось. В конторе сидел один, все ушли часов в семь, а машину получил в восемь. Убили их буквально перед моим приходом. Когда я включил свет, этот... Ленька еще шевелился, у него были судороги. Так что у меня нет алиби. Валентина нарочно придумала больную голову, потому что назначила свидание в моем доме. Тварь! Если бы я знал об этом раньше, она бы у меня вылетела как пуля!

«Что заслужил, то и получил», – мстительно подумала Нина. А он тепло посмотрел на нее:

– Я виноват перед тобой, Нинка. Надо увидеть собственные рога, чтобы кое-что понять в этой жизни. У меня как пелена с глаз слетела.

– Извини, Глеб, но что было, то прошло.

– Да, понимаю, – опустил он глаза. – И не об этом я. Тогда, два года назад, на меня нашло наваждение. Друзья предупреждали, что Валентина не слишком разборчива в связях, я отказывался верить. Она всех сводила с ума, какая-то сила в ней была колдовская. Извини, Нино, я сейчас оправдываюсь перед тобой, потому что виноват, потому что только ты мне веришь. Ведь ты веришь мне?

– Верю, – насупилась Нина. Кому приятно выслушивать, что твоя соперница оказалась сильнее тебя? – Уже поздно что-либо менять. Ты попал в жуткую историю, думай, как из нее выбраться, а не оправдывайся передо мной.

– Хорошо, – вдруг потрянул он головой, словно очнулся. – Первое, Нина, найди переводчика. Я должен знать, что она

писала. Смотри, здесь есть числа, значит, это дневник, который вела Валентина. Второе – телефоны. Я хочу уяснить обо всех ее знакомых, даже женщинах. У меня родилась версия, что ее могла прикончить и женщина. Знаешь, почему? Этот человек... которого ты видела... он женат. Я хорошо знаю его жену Надежду. Измену она не простит. Жили они неважно, ссорились, не раз заходила речь о разводе. У Наденьки гибкий ум, она прекрасно понимает, что Леня не будет ее содержать так, как она привыкла, несмотря на детей. А грохнуть Леню ей выгодно: похоронит его, и все останется при ней. Поэтому она могла – повторяю: могла! – убить его и Валентину. Это одна из версий. Следует проверить всех, чьи номера телефонов есть в записной книжке.

– Боже мой, да тут же десятки телефонов! – проговорила Нина, пролистывая записные книжки Валентины. – Это невозможно сделать.

– Пусть я год буду сидеть в подполье, два года, но выясню, кто еще был со мной в доме! – с яростью процедил он. – Я не намерен сидеть в тюрьме до конца дней своих!

– А видеомаягнитофон зачем? Кино будешь смотреть?

– Это семейный видеоархив. Валентина любила снимать, практически не расставалась с камерой. Давно собирался сбросить на дивидишники. – Видя недоумение Нины по поводу «дивидишников», дополнил: – Это диски. Места занимают мало, но к ним нужен специальный плеер. Видишь, сколько кассет пришлось тащить? DVD-диски поместились

бы в кейсе. Так. Кассеты с художественными фильмами я отобрал, можешь их выбросить, а остальные посмотрю. Я не все видел, что она снимала, поэтому надеюсь на кассеты тоже. И еще: маскировка, нужны например, борода и усы. Пока все.

– Я вынуждена буду заниматься только твоими делами, – проворчала она. – Как же мой ресторанчик?

– Я компенсирую все твои убытки.

– Компенсирует он, – фыркнула Нина, идя к софе. – Хорошо. Спать хочу.

Они легли на свои места. Глеб ворочался долго, наконец пробубнил:

– Нет, квартира нужна. А на первое время диван купи.

Она не ответила, хотя не спала. Устала жутко, а не спалось...

В зале за чашкой кофе Долли рассматривала книжечку с интересом.

– Это дневник, вне всякого сомнения, – определила она. – Но я не переведу.

– Ты же говорила, что знаешь язык, – упрекнула Нина разочарованно.

– Знаю, – подтвердила Долли. – Но не в совершенстве. А это писал человек, который владеет английским до тонкостей, даже знает идиомы. Ну, это такие своеобразные выражения...

– Я знаю, что такое идиомы, – перебила Нина. – А у тебя нет знакомых, кто бы перевел эту тетрадь? Я заплачу, хорошо заплачу.

– Сейчас многие изучают языки, это правильно, – в раздумье произнесла Долли, рассматривая карикатуру: женскую фигуру с лыжами, которые таяли, как сосульки. – Но переводить должен профессионал. Среди моих знакомых нет таких знатоков. А знаешь, как начинается первая страница? Слушай. «Я люблю снег, люблю, как любят мужчину...» Это женщина писала?

– Да, женщина, – быстро ответила Нина. – Что там еще?

– Странно: она любит снег, как мужчину, странно. Ну ладно, каждый сходит с ума по-своему. Так, дальше... «Я люблю

его больше, чем мужчину...» Ну и правильно, от мужиков одни неприятности, они все предатели за редким исключением. «...больше, чем мужчину, потому что снег – это моя жизнь, моя страсть, моя любовь...» Нет, Нинка, не смогу перевести. Здорово она про снег пишет. А я терпеть не могу зиму, холод, снег. Весной я оживаю.

– Девчата, здравствуйте!

К ним незаметно приблизился Жора с улыбкой на полном лице, с сияющими глазами и сверкающими тремя золотыми зубами. Долли нахмурилась, а Нина искренне обрадовалась:

– Здравствуй, Жора. Ты обедать?

– И пообедать можно, – сказал он, глядя на Дольку с игривым лукавством. – Долли, составишь мне компанию? А то не люблю в одиночестве поглощать пищу.

Долли хотела отказаться, но Нина толкнула ее под столом ногой, мол, не вздумай отпугивать клиента, который не жалеет денег. Та с неохотой дала согласие, ведь Жора, действительно, клиент солидный, проглатывает столько порций за раз, сколько обычный человек способен проглотить за день. А клиент – это доход. Они пересели за уютный столик, Нина принесла меню:

– Рекомендую дивную солянку «Экстравагантная» по моему личному рецепту, потом свиную отбивную, на десерт яблоки в кляре с карамелью и клюквенный мусс.

– Ух, – потер круглый живот Жора, – звучит заманчиво. А что это?

– Солянка мясная, – улыбнулась самой очаровательной улыбкой Нина, потому что выложить за этот обед ему придется кругленькую сумму. – В солянке кусочки белого мяса индейки, говядины, ветчины, говяжьего языка и почек. А также маслины, грибы и ломтик лимона. Все это на густом бульоне, заправленном томатом и сметанкой. Веточки петрушки и эстрагона не только украшают, но и придают изумительный вкус. Ну, а свиная отбивная идет с ароматным сырным соусом, пикантным и острым, на гарнир поджаренный рис с шафраном и кизилом.

– Больше ничего не надо говорить, а то сыт стану одними словами, – поднял вверх руки Жора. – Давай солянку и прочую кулинарную чертовщину. И коньяку грамм двести. И обязательно корзиночки на закуску. А, да! Пару салатиков. Долли, ты что будешь?

– Кофе, – буркнула она. Нина бросила на нее свирепый взгляд, означавший: как ты смеешь не заказывать блюда за чужой счет! Долли смутилась и проворчала: – Неси что-нибудь, ты знаешь мой вкус.

Нина уплыла, через несколько минут вернулась с подносом. Жора уплетал за обе щеки солянку, нахваливая Нину:

– Нигде так не кормят, как у тебя. Объеденье. Это незабываемо. После тебя, Нина, никто не угодит...

Она присела с чашкой кофе за их столик и подтолкнула Долли, которая ела без аппетита, а она ведь тоже не дура хорошо поесть. Понятно, в компании грубого Жоры, у ко-

того нет никаких возвышенных чувств, пропадает аппетит. Долька в ответ недовольно передернула плечами, мол, отстань. Нина походя поинтересовалась:

– Жорик, у тебя есть знакомые, владеющие английским в совершенстве?

– Ну, есть, – он прикончил солянку, облизнулся, вытер толстые губы салфеткой. – Нин, сейчас найти человека, который знает английский, раз плюнуть. А зачем?

– Мне нужно срочно перевести эту тетрадь, – Нина положила на стол толстенькую книжечку. – Оплата будет хорошая.

– Нет проблем, – сказал Жора, налил коньяку себе и Долли, поднял рюмку. – За прекрасных дам... А ты, Долли?

Нине пришлось снова толкнуть ее ногой под столом, та взяла рюмку, при этом лицо ее было таким, словно она собиралась выпить яд. Они выпили. Жора накинулся на второе блюдо, не забывая говорить комплименты хозяйке кафе.

– Жорик, – замурлыкала Нина во время десерта, – ты не мог бы поехать сейчас же к переводчику, чтобы вечером он отдал мне хотя бы первые листы? Сегодня суббота, он наверняка свободен. А Долли поедет с тобой и привезет мне перевод.

Долли посмотрела на подругу уничтожающим взглядом, однако Нина сделала вид, что не заметила этого. Зато Жора просиял:

– Правда? Нет проблем, поедем!

Долли встала из-за стола и направилась в свою резиденцию – малюсенькую комнатенку с компьютером. Глядя на ее бедра, подрагивающие при каждом шаге, Жора восторженно произнес:

– Не женщина, а малина!

Извинившись, Нина заторопилась к подруге. Долли сидела на стуле и зло курила.

– Чего ты взбесилась, Долька? – задала наивный вопрос Нина.

– Ничего! – огрызнулась Долли. Подымила. Потом не выдержала: – Какого черта ты распоряжаешься моим временем? Мне роман надо писать. И я терпеть не могу этого Жору, а ты меня подсовываешь ему. Сводница!

– Ты несправедлива, Долька, – ласково сказала Нина. – Мы же подруги. А знаешь, что такое дружба? Это когда я или ты можем попросить сделать что-нибудь, не объясняя. А мне очень нужно, Долька, очень нужно знать, что там написано.

– Зачем?! – прорычала Долли. – С каких пор ты интересуешься чужой жизнью? Это неприлично читать чужие дневники, письма... неприлично подслушивать!

Нина присела на край стола, несколько поникнув. Долли права. Да, неприлично заглядывать в чужие откровения, которые Валька написала на английском языке. Значит, у нее были веские причины писать так, чтобы никто не понял. И хранила она тетрадь под замком в несессере. Раньше Нина не занималась выведыванием чужих тайн, но это был не просто

дневник, который ей до одури хотелось прочесть. Это ключ к разгадке: чем же привлекла Глеба Валька, что в ней было такого, отчего он свихнулся? Нине необходимо знать только это. Все-таки ее терзали обида, ревность и собственные комплексы.

– Я потом тебе все расскажу, позже, – сказала Нина. – Долька, это не моя тайна, я не могу ее открыть. Пожалуйста, помоги мне. Съезди с Жорой. – Долли недовольно запыхтела. – А чем он тебе не нравится? Извини, ты пишешь про любовь, а сама-то хоть раз переспала с мужчиной? Что-то я сомневаюсь.

– Были у меня двое... – опустил глаза и нахмурил лоб, стыдливо призналась Долли. – Недолго... А! Мне не понравилось, поняла? И никто не имеет права лезть в мою частную жизнь. Да, не нравится мне Жора, не нравится! И для этого необязательны причины. Просто не нравится. Он же не ест, а жрет! Не смеется, а ржет. Еще и зубы золотые! Это пошло. Он грубое животное. Ну, ладно, я поеду с ним, потому что ты не отстанешь. У тебя есть плохая черта, Нинка, ты умеешь использовать людей в своих целях.

Долли накинула пальто и, выхватив из рук Нины злополучную тетрадь, выскочила из комнаты. А Нина глубоко вздохнула. Это первая ссора между ней и Долли. Вот так: Глеб появился, и все пошло кувырком. Хорошо, если только этим обойдется.

Позвонила актеру из самодеятельности, который согла-

силась работать на семейных обедах, попросила срочно достать усы и бороду, поинтересовалась, как, например, сделать седину. Тот спросил – зачем? Вот народ! Ну, все надо знать, все! Нина соврала, что готовится к вечеру и хочет удивить друзей шутливым образом. А что еще говорить? «Понимаете, мой бывший любовник крупно влетел, может, даже прирезал свою законную жену с хахалем, теперь он хочет изменить внешность, чтобы его не узнала ни одна собака», – так, что ли? Актер притащил все через час, ведь Нина обещала хорошо заплатить. Она тут же принялась примеривать бородку и усы на себя, осталась недовольна:

– Грубо сделаны. Сразу бросается в глаза, что ненастоящие.

– Нина Александровна, у нас же самодеятельность. Обратитесь в театр.

– Ладно, я возьму усы и бородку. А седину как сделать?

Он поставил флакон с белой жидкостью на стол:

– Этой эмульсией намазываете волосы и густой расческой проводите по влажным волосам, чтобы отделить пряди. Такой эмульсией пользуются гримеры на киностудиях, когда надо состарить актера.

Нина опробовала на себе. Тоже осталась недовольна: пряди слипались, седина выглядела застывшей на волосах краской, но купила флакон и специальный лак, которым клеят бороды-усы. В свободные минуты звонила по телефонам Вальки, отмечая карандашом: парикмахерская, косметиче-

ский салон, фитнес-клуб, теннисный корт...

– Спортсменка чертова, – набирая следующий номер, проворчала она.

Некоторые телефоны не отвечали, Нина делала пометку и набирала номер за номером. Массажистка, дизайнер из салона «Зимний сад», педагог, дающий частные уроки английского языка, педагог, дающий частные уроки французского языка, педагог итальянского... Нина швырнула блокнот:

– Она хоть что-нибудь делала полезное?!

Потом кафе заполнили клиенты, Нина помогала обслуживать их, а завсегдатаям готовила лично. Имидж лучшего повара следует поддерживать всеми силами. Долли приехала в девятом часу слегка пьяненькая. Она бросила на стол в кабинете Нины несколько листов, отпечатанных на принтере:

– Это пока все, остальное получишь частями. И так еле уговорили.

Та с замирающим сердцем взяла листы, дежурно поинтересовалась:

– Ну а как Жора?

– Ой, молот всякую чепуху. Пойду, он обещал отвезти меня домой.

– Угу, – отозвалась Нина, присаживаясь на стул и читая тайну Вальки.

Я люблю снег, люблю, как любят мужчину. Нет, я люблю его больше, чем любят мужчину, потому что снег – это

моя жизнь, моя страсть, моя любовь. Об этом, конечно, никому не говорю, потому что сразу же получу клеймо: умалишенная. Пусть так, да, сумасшедшая, но об этом буду знать только я. Им всем – не сумасшедшим, умным и правильным – недостает одной маленькой детали: не замечать «неправильных». Меня всегда удивляло это качество в людях – умение все замечать, даже то, чего нет. Сначала замечают, потом делают собственные неллицеприятные выводы, затем создают общественное мнение. О, общественное мнение! Это страшная сила, рожденная обывательским кругозором, узким, как задний проход. По-моему, ненормально стоять на позиции обывателя – правильного, умного, скучного. Подобных людей так много, что иногда мне кажется, будто они и есть умалишенные, а я единственная среди них нормальная. Но я не лезу к ним с советами и замечаниями, не сплетничаю о них, не натравливаю на них знакомых. Они существуют, и ладно, лишь бы не мешали мне. А чтобы не мешали, я никогда и ни с кем не открываю. Однако я немножко отвлеклась, так как это неинтересная тема, во всяком случае, для меня. А может, я просто запуталась, ведь не люблю и не умею рассуждать. Лично мне всегда все ясно, просто. Мне понятна моя страсть к снегу.

Да, я люблю его больше всего на свете. Он так же прост, как я, понятен, я знаю его, чего не могу сказать о людях, которых узнать полностью невозможно. Я люблю его за то, что он принадлежит всем, значит, и мне, и не принадлежит

никому. Впрочем, он принадлежит себе. Я тоже принадлежу себе, в этом мы схожи. Я люблю снег, потому что доверяю ему, знаю: он не подведет, он на моей стороне. С ним у меня всегда праздник. В городе он не бывает девственно-чистым, городской снег болезненно серый, не искрит, не обещает праздника. Но я все равно его люблю и в городе, как любят умирающего человека. Ведь рано или поздно он умрет в городе, но мне все равно обещает праздник, как только я уеду в горы. А в горах... В горах он вечен. Залитый рассветным солнцем, отликает розовым и оранжевым цветом. И у меня возникает ощущение, что эти лучи, отражаясь от снега, ласкают меня. Я становлюсь на лыжи и вижу перед собой огромное белое пространство, которое тянется далеко вниз. Я не вижу ни флажков, ни надписи «Финиш», ни сосен и елок – ничего. Только снег, который зовет меня. И горы, горы, покрытые снегом, оттого сказочно великолепные...

– Тоже мне, поэтесса, – буркнула Нина, переворачивая страницу.

Я соревнуюсь с ним, а не с людьми. Становлюсь на самый-самый край, стоит чуточку потерять равновесие – и ты уже летишь вниз, кувыряясь. Сзади меня целый мир, спокойный и уверенный, а впереди меня длинный спуск – всегда понятный, но коварный. Только трепещет сердце перед

стартом, слегка щекочет внутри, как во время занятий любовью. И тогда я отталкиваюсь, начинается скольжение. Захватывает дух, словно прыгнула в пропасть. Я никогда не боялась его, поэтому побеждала. Он хранил меня, не подводил, он помогал мне. Самое прекрасное – бешеная скорость, от которой по сторонам все сливается в сплошную стену и которая несет меня вниз. Это не та скорость, которую рождает мотор автомобиля или двигатель самолета. Это моя скорость, которую рождаю я. И ветер сбивает дыхание, из-под лыж взлетают мелкие крупинцы снега и попадают мне в лицо на поворотах. Он обжигает меня, но не холодом, а жаром, я сливаюсь с ним и становлюсь его частицей, его любовницей. Восторг заполняет меня до такой степени, что я ничего не вижу и не слышу. Я лечу. Взлетаю и лечу. А потом лыжи едва касаются снежной поверхности и вновь отрываются от нее. Это поединок: мой и снежной машины вокруг. В этом поединке мы равны. И тогда от восторга у меня вырывается крик. Я не сразу понимаю, что добралась до финиша. Кругом какие-то люди, что-то кричат, прыгают, показывают на табло... Наконец я понимаю, что первая. Я выиграла поединок. Я смотрю на снег, а он мне молчаливо шепчет: «Молодец, любимая, я жду тебя завтра...»

– Если вся тетрадь в таком духе, деньги потратим зря, – сказала Нина.

Он так хотел меня, что погубил...

– Не поняла, кто ее хотел? – заинтересовалась Нина.

Он ждал меня. Я чувствовала: сегодня что-то произойдет, потому что впервые от него шел холод. Спина, шея, ноги – все мое тело ощутило опасность. Но опасность еще больше манила меня. Я стояла на старте и смотрела вниз. Я никогда не смотрю вниз, никогда. Перед стартом для меня главное – соединиться со снежным пространством, жить в нем, раствориться в нем. Но тогда я смотрела на флажки и вниз, мысленно измеряла расстояние. Я почувствовала вызов, который шел от утрамбованной дорожки. И угрозу. Небо было затянуто облаками, похожими на снег. Да, в тот день земля и небо были удивительно похожи, а кое-где сливались в одно целое. Мне чудилось, что я стою внутри огромного снежного кома, что будет скольжение не вниз, а по дуге вверх вопреки всем законам физики. И снежинки плавно падали, теряясь на белом поле. Я подняла лицо к небу, почувствовала холодное прикосновение... холодное... а всегда внутри меня разливался жар. И вдруг услышала: пора. Это он мне шепнул сверху и снизу. Я очнулась, застегнула шлем, надела очки и... Мне было мало скорости, которую набрала на спуске, я прилагала все силы, чтобы увеличить ее. Потому что он так хотел. И вдруг почувствовала, что это не я руковожу собой, во мне кто-то еще, это он управ-

лял моими ногами, руками и телом. Я крикнула: «Хватит!» Внезапно перепуталось все, потерялись время и место. Я хотела одного – выиграть поединок с ним, поэтому неслась, не зная куда. Но вдруг увидела финиш... В этот момент я поскользнулась... Именно так: я скользила и поскользнулась. В миг небо и земля, укрытая снегом, поменялись местами. Они менялись все то время, что я переворачивалась. Я не различала их. А он – тот, кто сидел внутри, – крутил меня, подбрасывал, он смеялся... «Это смерть», – подумала я.

Полгода я была прикована к постели. Операции изматывали меня. Это была страшная пытка. Лучшие бы я погибла тогда. И вот сегодня вынесли приговор: со спортивной карьерой покончено. Какая карьера?! Разве для меня главное – карьера? Они просто болваны. Я не могу жить без этого, не могу без поединка, без опасности, без скорости, без снега. Только в этом моя жизнь. Ночью я вставала, добиралась до холодильника, брала лед и держала его в руках, пока не растает. Я заклинала лед помочь мне, а он стекал с моих ладоней беспомощными каплями и ничего не обещал...

Нина бросила листы Глебу:

– Почитай. По-моему, у твоей жены голова не в порядке была. Однако должна признать, что написано красиво, поэтично.

Он прочел, удовлетворен не был, правда, сказал:

– Это же только начало. Когда обещали отдать перевод?

– В понедельник, – ответила Нина. И кто ее дернул за язык секундой спустя? – Но на весь роман со снегом не рассчитывай, будут отдавать частями. Так что, как развивались страсти по снежинкам, узнаешь не сразу.

Прозвучало это до того язвительно, что Глеб перевел на Нину пристальный изучающий взгляд. Уставился, словно пытался понять, чем вызвана язвительность. Да чем же, как не ревностью! Нина смутилась, потому что он догадался о том, что точило ее изнутри, это стало заметно по его лицу. От злости на себя она принялась стелить постели: себе на софе, ему на кресле. Он подошел сзади, взял ее за плечи.

– Ты перепутал место, – напряглась Нина. – Ты спишь на кресле.

– Я совершил большую ошибку, отказавшись от тебя, – вздохнул он, сжимая ее плечи. Она высвободилась, перешла на противоположный край софы. Глеб насупился. – И наказан теперь сверх меры. А ты так и не простила меня.

– Да простила, простила! – психанула она, и не без оснований. – Но, Глеб, не начинай все сначала. Я не та, что была раньше. Второй раз не наступлю на раскаленные угли. Усвой это хорошенько, пожалуйста.

– Ниночка, с кем это ты разговариваешь? – раздался голосок Матильды Степановны.

– С телевизором! – крикнула Нина и добавила шепотом Глебу: – Ложись спать.

Когда Нина легла и выключила свет, подумала: «Срочно

надо подыскать ему квартиру, иначе я этой пытки не вынесу и наделаю глупостей».

8

Как у всякого нормального предпринимателя, у Нины была «крыша». Первая «крыша» хлипкая – это уличный патруль из двух ментов, которые заходят в ее кафе поест, разумеется, бесплатно. Вторая «крыша» – бандюки. Главному из бандюков Нина однажды оказала услугу. Едва только заработало кафе, еще не зная, что всякое заведение в городе платит определенную сумму разным «крышам» – в зависимости от района, – Нина пришла по обычаю раньше всех. Открыла она дверь черного хода, а к ней подлетает мужчина лет тридцати, втокнул в коридор, дверь закрыл. Приложил палец к губам и шепотом говорит:

– Спрятаться есть где? В долгу не останусь.

Она, конечно, растерялась, но в этот миг раздался стук в дверь. Нина в «глазок» посмотрела, а там менты в форме. Мужичок испариной покрылся и весь такой невзрачный, ростом небольшой, едва достает Нине до подбородка, но одет с иголочки. В его глазах трепетало отчаяние, с каким была знакома и она. Наверное, этот человек что-то натворил, только вот Нина взять на себя роль стукача не смогла. Премии менты не выдадут, а неприятностей нажить можно запросто. Нина осмотрительная. Стук повторился. Она махнула мужичку рукой – за мной иди. Кладовка еще не была оборудована, спрятала его там, подперла дверь досками и на очередной

стук откликнулась:

– Иду, иду! Чего барабаните? Вход с другой стороны!

– Откройте, полиция.

Нина открыла, ворвались три человека в полной экипировке.

– Посторонний не забежал к тебе? Куда-то во двор нырнул.

Нина ответила, что посторонних здесь нет, но они все равно решили осмотреть помещения. Прошли на кухню, заглянули в подсобку, в зал, в кабинет, хорошо хоть не перевернули все вверх дном. Остановились у кладовой:

– Там что?

– Подземный ход, ведущий в Кремль, – ответила Нина.

Похищали и ушли. Нина отодвинула доски:

– Прошу на выход. Облава закончилась.

– Можно мне у тебя до ночи побыть? – спросил он.

– А мы уже на «ты»? – проворчала Нина, но разрешила оккупировать свой кабинет.

Позже выяснилось, что это знаменитый в городе Паша Кореец. Кореец – прозвище, мать у него кореянка, от нее унаследовал некоторые восточные черты. Отец русский, из тюрьмы, по слухам, не вылезал. Паше Корейцу было не тридцать, как показалось Нине, а все сорок, но выглядел молодо, наверное, потому, что компактный. Паша Кореец считался асом по бегам, исчезал из-под носа полиции, будто у него крылышки за плечами или шапка-невидимка имеется. Но тогда Нина об этом не знала. Тогда Паша развлекал ее

во время перерывов игрой в карты, показал несколько фокусов и мошеннических приемов. Через неделю он пожаловал легально вечером в окружении парней, которым не доставал до под мышки. Сел за столик, подозвал Нину. Стоило ей подойти и удивленно поднять брови, как он пригласил ее посидеть с ним в компании, заказал роскошный ужин и пальцами прищелкнул. Принесли огромный букет роз.

– Не пойму, – не переставала удивляться Нина, – ты не в бегах?

– Все улажено, Ниноля, – ухмыляясь, разливал он в рюмки коньяк. – У нас главное – вовремя сделать ноги, а отмазаться – дело техники. Смотри, Нина, на этих парней и знай. Если кто тебя обидит, лично мне стукни, мы голову отвинтим. Повезло тебе, Нина.

– Это чем же?

– Ты ж моя, – улыбался он. Она опустила уголки губ вниз, не понимая, что он несет. – Забегаловка твоя стоит в моих владениях. Но не бойся. Ты под моим покровительством. Тебя никто не посмеет обидеть. Паша Кореец умеет быть благодарным.

Потом Нина узнала, что каждое заведение в районе платит сумасшедшие деньги Паше Корейцу, сумму он устанавливает сам. А она не платит. Иногда он захаживает перекусить, благородно расплачивается, но Нина обязательно угощает его каким-нибудь изысканным блюдом за счет заведения. И обязательно ведет с ним светскую беседу. Ей действи-

тельно повезло, иначе работала бы в минус.

Паша Кореец заглянул и в воскресенье. Он сел так, чтобы видеть входивших в кафе людей, за его спиной остановились два амбала с тупыми рожами. Заботу о важном госте Нина взяла на себя, приготовилась выслушать заказ.

– Так, – постукивал он пальцами по столу. – Креветки «Генрих IV». – Это блюдо редко кто заказывал, потому что креветки сами по себе не дешевое блюдо, а в «Генрихе IV» еще и шарик черной икры полагался. – Что есть диетическое? Из рыбы?

– Ассорти: отварная севрюга, малосоленая семга и балык из толстолобика. Салат из морепродуктов, а на горячее – судак по-мексикански.

– Наверное, давай все, – тяжело дался ему выбор.

Нина принесла сначала креветки и ассорти, потому что остальное надо приготовить. Он не дал ей уйти, взял за руку и усадил за стол:

– Что это у тебя глазенки грустные, озабоченные, Нинуля?

– Да? – дернулась она. – В самом деле? Я устала... немного.

– Неправда, – легко уличил ее во лжи Паша, мешая в вазочке креветки с икрой. – Когда ты устаешь, у тебя совсем другое личико.

– Смотри-ка, ты так хорошо меня изучил?

– Не совсем хорошо, – возразил он, смакуя креветки. – Не скрою, хотелось бы тебя узнать... поближе, – и хитро сощу-

рил раскосые глаза.

Нина не знала, как реагировать. Вот только Паши Корейца ей не хватало для полного комплекта неожиданностей. Отказать ему – со света сживет, принять ухаживания – нет никакого желания. Да и ростом он не вышел. Конечно, Нина может снять каблуки, тогда Паша достанет ей аж до виска, все равно перспектива стать возлюбленной знаменитого бандюка не улыбалась. Он же, заметив недоумение пополам с растерянностью на ее лице, захихикал под нос:

– Не бойся, Нинуля, приставать не стану, раз не хочешь. Паша Кореец тебя уважает, он твой должник. Знаешь, что это такое? Это когда ты можешь попросить о чем угодно Пашу Корейца, он ни в чем тебе не откажет и не потребует платы. Так в чем проблема? Говори.

Нина колебалась. А ведь Паша может кое-что сделать. У него связи во всех структурах, поэтому гуляет на свободе. Говорят, он замочил нескольких человек, в городе Пашей чуть ли не пугают детей. Недавно нашли обгорелый труп в лесу, по слухам, это тоже дело рук Корейца. С ним опасно связываться, но только он может выяснить, как идет следствие по делу об убийствах в доме Глеба. В конце концов, надо же знать, что думают по этому поводу прокуратура и полиция! Да и самой необходимо освободиться от двоякого чувства. То ей кажется, что Глеб убийца, то не Глеб, так же нельзя!

– Да, – робко начала она, все еще сомневаясь: просить Па-

шу разузнать об убийствах или нет, – есть некоторые вещи, которые мне хотелось бы узнать...

– Нина, – вдруг озадачился он, отправив в рот кусочек рыбы, – это же не севрюга. С севрюгой я знаком.

– Ну и что? – пожалала она плечами. – Осетрина и осетрина, какая разница? Севрюга звучит изысканней.

– Приятно иметь дело с очаровательной мошенницей. Ну так что там?

– Я слышала, в одном respectable доме произошло двойное убийство...

– Ну-ну, дальше, – сказал Паша, не удивившись, что кого-то там пришили. Впрочем, в его среде трупы – это норма.

– Паша, я хочу знать, что думают по этому поводу прокуратура и полиция, – выпалила Нина и запила стаканом воды, из которого до этого пил Кореец.

Он уставился на нее с непонятным выражением, прекратив есть. Нина выдержала взгляд, пожалев о просьбе.

– А зачем тебе? – спросил он после длинной паузы. – Признаюсь, твой интерес странный. Это праздное любопытство или нечто большее?

«Он умный и умеет считать, – поняла Нина. – Да только теперь задний ход давать поздно – обидится». Нина, хорошенько обдумывая фразы, рассказала почти правду:

– Не праздное любопытство. Там жил... то есть живет мой давнишний знакомый Глеб Печернин. Мне хочется знать, что случилось в том доме. Почему это произошло и кто это

сделал. Сам понимаешь, сплетен сейчас море...

– Он твой любовник? – напрямую спросил Паша.

– Вопрос, конечно, некорректный, но отвечу. Был. Давным-давно.

– Угу, – промычал Паша и задумался, глядя на Нину несколько рассеянно. Пауза длилась недолго. – Сколько я должен?

– Ужин за счет заведения, – поспешила сказать Нина и поймала себя на том, что выглядит это подкупом. Наверняка и Паша так подумал.

– Думаю, мой ужин тебе пока не по карману, – сказал он, вставая. Паша положил на стол деньги в баксах. Нина уже решила, что ее просьба выглядит глупой и наглой, он не станет ничего узнавать, но Кореец заверил: – Я все выясню.

На прощание он поцеловал ей руку. Паша Кореец славится изысканными манерами и в противоположность манерам – жестокостью. Он покинул ее ресторанчик в сопровождении двух амбалов, которые за все время разговора ни разу не шелохнулись за спиной Паши. А Нина сидела и ругала себя: было лишним просить Корейца об услуге. Чем теперь это чревато? На стул плюхнулась Долли:

– Уф! Кто это оставил такие деликатесы? – и двумя пальчиками подхватила с тарелки кусочек семги, отправила в рот.

– Паша Кореец, – рассеянно ответила Нина, все еще находясь во власти сомнений. – Принесла?

Долли кивнула, достала листы и передала Нине.

– Переводчица звонила, спрашивала, дословно перевести или дать вольный перевод. Я сказала: дословно. Она чем-то была шокирована, извинилась, потому что получилось несколько грубо, но так в тексте. Некоторые слова написаны английскими буквосочетаниями, но слова русские. Вот жлоб, рыбу по-мексикански даже не тронул! Можно, я съем?

Нина согласно кивнула, сама же поспешила в кабинет, читая на ходу. За ней семенила Долли с тарелкой в руках. Проходя мимо кухни, она попросила чистую вилку, вошла к Нине, когда та уже сидела и читала...

Я знаю: второй раз не повезет, поэтому теперь я зритель. Езжу в горы смотреть на тренировки и соревнования. Скучно. В кубках храню маленькие секреты. У меня появилось хобби – снимать на видеокамеру интересные моменты, вернее, людей за разными занятиями, но чтобы они меня не заметили. Это чуточку будоражит во мне прежние чувства. Если застукают за нелегальным наблюдением, мне попадет. Ах, как попадет! Но пока не застукали. Скучно. Только снег меня немного приводит в норму, но теперь он всегда холодный и больше не шепчет нежных слов, не вызывает на поединок. Мне предлагали стать тренером. И это скучно, я отказалась. Иногда занимаюсь сексом с разными мужчинами. Я что-то ищу, но пока не пойму, что именно. Наверное, поэтому записываю свои мысли. Я хочу разо-

браться в себе. Скучно, скучно, скучно...

Перевернув страницу, Нина вся сжалась. Вот оно...

Его зовут Глеб. Он сильный, смелый, хорошо владеет лыжами, но не профи, а любитель. В нем нет страсти к снежному полю, всего-то пытливость. Познакомились мы на подъеме, а наблюдаю за ним я три дня. Есть в нем нечто притягивающее, одновременно отталкивающее. Безусловно, внешность притягательна, хотя красавцем в полной мере его не назовешь. А вот чем отталкивает? Возможно, умением смотреть на всех сверху. Это не высокомерие, отнюдь нет. Но, разговаривая с ним, вдруг ощущаешь, что он подавляет тебя. Да, в нем есть властность, хочется подчиниться ему, исполнять его прихоти. Или подчинить его. Он меня заинтриговал...

Далее снова шли рассуждения о тоске по снегу. Это было неинтересно, Нина пропустила. Следующую страницу читала, затаив дыхание.

Я искала Глеба и нашла в баре. Была плохая погода, все слонялись по базе. Он заказал мне коктейль, разговорились. Мы из одного города, у нас есть общие знакомые, так что темы нашлись. Но самое завораживающее было между фразами и то, как он смотрел на меня – жадно. Я знаю:

когда у меня приоткрыт рот, мужики почему-то смотрят только на рот. А когда я поглаживаю кончиками пальцев свои губы, шею, подбородок, то вижу, что у них взгляд становится влажным. У Глеба взгляд стал влажным, но он упорно не сдавался. Странно. Я ведь дала ему понять, чего хочу. Он не понял? Кажется, Глеб не глуп. Что ж, есть еще тело, оно тоже способно передать некоторые позы. Я предложила потанцевать. Он немного дрожал, когда держал меня за талию и спину. Руки у него возбуждающие, меня просто накрыло: когда же он сдастся? Я намеренно обняла его за шею, приблизила лицо так, что губы едва не касались его губ. Неужели устоит? И вдруг он сказал: «У меня есть невеста». – «Ну и что?» – улыбнулась я. Больше ничего не сказала. Я обещала ему многое без дурацких слов. Пришлось понаблюдать, как он борется с собой. Это было забавно. Я поставила цель: победить его, предложила выпить где-нибудь в тихом месте. Он взял бутылку шампанского, и мы отправились к нему в номер. И там он боролся с собой. Это меня задело. Я сняла свитер, сославшись на жару, а под ним был надет маленький топ на бретелях, которые постоянно соскальзывают. В отличие от плоскогрудых спортсменок моя грудь настоящая, женская, красивая. Уж если он и после этого устоит, я просто отхлещу его как мальчишку. Что хочу, то должно быть моим. Шампанское мы выпили молча. Наступила изнывающая пауза, во время которой он старался не смотреть на меня. Тогда я встала,

собираясь уйти. Глеб задержал меня за руку. «Что? – сказала я, разозлившись. – Что ты хочешь?» Он привлек меня к себе и чуть не съел мой рот...

Вдруг Нина покрылась белыми и красными пятнами, а глаза ее непроизвольно расширились. Она сделала небольшую паузу и еще раз перечитала последнюю страницу. Долли, поставив пустую тарелку на стол, удивленно протянула:

– Нинка, что это с тобой?

– Ты читала? – выговорила та, голос стал чужим. Долли отрицательно мотнула головой, тогда Нина протянула ей листы. – Прочти.

Долли принялась читать с заметной скукой. Дойдя до последней страницы, она мельком взглянула на Нину и более сосредоточенно углубилась в чтение, опуская все ниже голову, словно от стыда. Прочитав, Долли положила на стол листы:

– Это даже не эротический роман. Это порнография. Крутая. Автор тетради просто «ш...» и подзаборная «с...».

Долли никогда не ругается, только обозначает первыми буквами то, что хочет сказать напрямую. Нина, находясь под впечатлением прочитанных строк, произнесла:

– Почему же, эта женщина респектабельная дама. Она посещает парикмахерскую, делает маникюр и педикюр, занимается спортом, учит языки... Ты не представляешь, какая она красивая. Кожа у нее – белая-белая, как мрамор. Длин-

ные, белые кудри, густые и шелковые, а глаза синие, как небо в ясную погоду, а губы алые и пухлые, капризные...

– Это ей не мешает так мерзко писать про длину, пардон, органа, который она измеряет, пардон, губами. А потом сравнивает с другими... этими самыми органами. Придумать же надо, сколько раз поместятся ее губы на... этом самом месте. А остальное? Нет, это... порнография.

– Разве в романах, которые ты читала, нет подобных описаний?

– Есть. Но не так цинично написано. Там эротика. Не скрою, иногда грубая эротика, которая... немного смущает, но написано красиво. А здесь грязно, понимаешь разницу? Мама моя, а ее ощущения и действия? Ее мысли! Ее отношение! А слова какие употребляет! Так не выражается даже конченный человек. Теперь понимаю, почему переводчица спрашивала: дословно переводить или нет. Это патология, Нина. Удивляюсь, что тебя интересует какая-то сдвинутая и до безобразия развратная баба.

Нина призналась себе, что хочет, наверное, больше, чем Глеб, прочесть всю тетрадь. Интересно, как он отреагирует на опус жены? Его ждут безусловные открытия.

– Ты читала? – в панике поднял он глаза.

Нина готовила ужин, на секунду задумалась, что именно отвечать Глебу. Вряд ли ему будет приятно узнать, что она в курсе откровений Вальки о проведенной с ним ночи на базе в горах. Если бы он знал, как ей было больно читать эту гадость. Но ведь Нина не дала ему последнюю страницу, он не представляет, какие пикантные подробности его физиологии описала Валечка. Но даже эти скромные странички его смутили.

– Я кухарка, Глеб, – сказала она, глядя прямо ему в лицо. – Меня не интересуют поэтические изыски твоей покойной жены, потому что я не понимаю снежных страстей. Но если хочешь, прочту.

И протянула к листам руку. Знала, что не даст. Не дал. Сгрел их и бросил на кресло. Потом опомнился:

– Ты права, это неинтересно и глупо.

А сам задумался, сосредоточенно уставясь в пол. Неужели поверил, что Нина не читала? Скорее, не хотел, чтобы она читала еще раз при нем. Собственно, у него все равно нет выбора. Ему нельзя выходить на свет божий и лично контролировать переводчика. «Мало тебе, мало, – подумала мстительно Нина. – Женился бы на мне, сейчас не прятался бы даже от мамы родной. На ошибках учатся, но их не исправ-

ляют».

– Думаю, больше не стоит тратить деньги на переводчи-
ка, – беспечным голосом заявил Глеб. – В дневнике одна му-
ра. Забери тетрадь Валентины у переводчика.

Ага, дальнейшие опусы жены его пугают.

– Хорошо, – пожала она плечами, словно дневник ее не
интересует, но подумала: «Обязательно все прочту, дорогой.
Мне интересно, как окрутила тебя Валька, авось и я опыта
наберусь».

В стену постучала клюкой Любочка Алексеевна. Нина об-
радовалась возможности хотя бы на несколько минут оста-
вить Глеба, надеясь, что, когда вернется, они оба больше не
коснутся темы дневника. Смотреть в глаза Глебу и врать – от
этого Нина испытывала дискомфорт. Разумеется, она не свя-
тая, по мелочам врет, особенно если это нужно для дела, но
лгать Глебу, а в это время припоминать пикантные подроб-
ности в дневнике, тяжело. Старушка попросила Нину тща-
тельно закрыть дверь и подойти поближе.

– Сегодня вышла я в коридор, а там Матильда у твоей две-
ри стоит, – доложила Любочка Алексеевна. – Я ее шуганула,
а она уверяла, что у тебя кто-то ходит.

– Господи, – устало присела на стул Нина, – кому там хо-
дить? Тараканам?

– Вот и я так ей сказала. И еще попеняла, что учительнице
нехорошо подслушивать под дверь. Интеллигенция, а под-
слушивает. Она теперь со мной не разговаривает.

– Любочка Алексеевна, не обращайтесь внимания.

– А я тут фасончик нашла в журнале, который ты мне дала почитать. Тебе пойдет, надо лишь ткань подобрать похожую...

– Потом, Любочка Алексеевна. У меня сейчас нет времени выбирать ткани.

– Я выберу. Пойду себе потихоньку по магазинам, а то все дома сижу.

– Ну, хорошо, я дам вам денег, – согласилась Нина и вернулась в комнату.

Машка Цеткин и Матильда Степановна шептались на кухне. Все, выводы сделали: Нинка приводит любовника. Ну и пусть, не их это дело.

Нина прилегла на софе, а Глеб торчал у телевизора, смотрел кассеты со своей Валькой. Не посмотрелся! Нина скосила глаза в телевизор. На экране местный бомонд. Валька одета в серебристое платье с открытой спиной. Фигура изумительная, волосы уложены в прическу, в ушах и на шее сверкают бриллианты, которые становятся заметны, когда на них попадает луч света. Бог несправедливо наградил ее совершенной красотой. А взгляд блудливый, как у кошки весной. И Глеб этого не замечал? На экране показался и он: костюм, галстук-бабочка... Нина почему-то представила его в фуфайке и в робе арестанта. Он позировал, обнимая Вальку, перед фотообъективом. Нина отвернулась, раскрыв книгу...

Ее кто-то толкал в плечо. Она открыла глаза и едва не за-

кричала. Какой-то бородач склонился над ней. В полутьме и с накладной бородкой сначала не узнала Глеба. Он приложил палец к губам.

– Ты чего? – спросила Нина.

– Пойдем на улицу, я поучу тебя управлять джипом.

– Слушай, ты ненормальный? Сколько сейчас времени?

– Полтретьего ночи.

– Никуда не пойду, – сказала Нина, натягивая плед, ведь постель она не постелила. – Зачем мне твой джип? У меня «копейка» на ходу.

– Нина, – тормозил ее Глеб. – Его надо зарегистрировать. Я не могу это сделать, а ты можешь. Пойми, автомобиль может очень, слышишь, очень понадобится, это же вездеход, но на нем нельзя пока ездить. Вставай.

– Вот привязался! – рассердилась Нина, но встала, натянула джинсы, свитер, куртку. – Идем, черт возьми. Я уже проснулась.

– Посмотри, никого нет в коридоре?

Нина выглянула в коридор, подала знак: никого, идем. На цыпочках добежали до двери, вышли на улицу. «Копеечка» сиротливо стояла у гаража. Хоть мороза нет. И хорошо, что угонщики не заглядывают во дворы старых домов. Впрочем, Глеб обещал компенсировать потери и затраты. Компенсирует, если его не посадят. Он выкатил джип, вскоре выехали на безлюдную улицу, причем, ночью город всегда пустынный. Накрапывал дождик, нагоняя тоску. Нина не име-

ла склонности поддаваться печали окружающей среды и долго дуться. Уже через пять минут она внимательно следила за приборами, за тем, как Глеб управлял джипом. Он предложил Нине поменяться местами. Взявшись за руль, она забыла о Вальке, преследующей ее даже во сне, и обо всем на свете. Это сказочное наслаждение – водить навороченный «автобус». Довольно быстро Нина освоилась с управлением и отмахивалась от советов Глеба. Она пробовала увеличить скорость, но он потребовал не увлекаться и в конце концов попросил остановиться. Глеб откинулся на спинку сиденья, запрокинув голову, и сказал:

– Можно говорить нормально, а не шепотом. Когда займешься квартирой?

– Завтра, – пообещала она, исследуя приборы с азартным восторгом.

– Не знал, что ты такая заводная.

– Ты многого не знал, – бросила Нина, затем украдкой посмотрела на него. Он мог неправильно истолковать ее слова, мог подумать, что Нина намекает на записи жены.

– Как выяснилось, я не знал многого, – согласился он задумчиво. Слава богу, не воспринял фразу Нины намеком на рога. Рога – это так унизительно. – Давай сделаем так. Купи газету объявлений, я подберу подходящие адреса, а потом ты посмотришь квартиры. Это сэкономит время. С утра займись оформлением машины...

– А как мне ее оформлять, на кого?

– На себя.

– На меня? – уточнила Нина. – Не боишься, что я присвою ее?

– Не боюсь, – ответил он и одарил ее доверительным взглядом. – Тебя я не боюсь. И потом, если меня посадят или убьют, у тебя останется джип.

– Ты что несешь? – задохнулась Нина. Если его убьют, то и ее... – За что тебя убивать? Убийце выгодно на тебя свалить.

– Всякое может случиться, ведь добровольно я не сдамся, поэтому так сказал. Не переживай, я собираюсь долго жить. Нино, ты не могла бы завтра сходить к Надежде и прозондировать почву?

– К какой Надежде?

– К жене Ленки. Ну, которого убили с Валентиной.

– А под каким соусом я к ней явлюсь? – справедливо возмутилась Нина и разыграла в лицах диалог: – «Я пришла узнать, вам ничего не известно об убийстве вашего мужа и его любовницы?» – «А вы кто?» – «Я просто так интересуюсь». – «А не пошли бы вы кой-куда...» Примерно так будет. Мне это не нравится.

Он выслушал спокойно. Раньше, во времена их романа, Глеб не был такой сдержанный. Его отличала властность – здесь Валька права. Если не понимали, чего он добивается, Глеб взрывался на короткий миг, но так, что надолго отбивал охоту с ним спорить. Нина благоговела перед Глебом, слегка побаивалась, уважала. Сейчас... не боится, не благогове-

ет. Уважает? Тоже весьма сомнительно после Валькиных откровений. Однако любовь зла...

– Понимаешь, Нино, – сказал удрученно Глеб, – я с каждой минутой убеждаюсь, что мне не выбраться из этой истории. Возможно, это паника, когда все видится в черных тонах. Я хочу знать, подозревают меня или нет. Больше узнать не у кого, только у Надежды. К моим нельзя, особенно тебе. Придумай предлог и сходи к ней.

Нина умолчала о Паше Корейце. Глеб не придет в восторг оттого, что она обратилась к матерому хищнику с подозрительной просьбой. Ей тоже хотелось многое знать, только из достоверных уст, а не от незнакомой Надежды.

– У тебя есть мобильный телефон? – спросил он.

– Нет, такие игрушки мне пока не по карману.

– Твой друг кинул полмиллиона, а трубку не подарил?

– Не полмиллиона, а триста пятьдесят тысяч! – огрызнулась Нина. – И не твое дело, что он мне дарит.

– Извини. Вот, возьми. У меня есть еще один. В случае необходимости будешь звонить. Как только скажешь «Глеб», он автоматически наберет мой номер. Можно отправить письменное сообщение, я на своей трубке прочту.

Нина взяла телефон, повертела. Спросить Глеба, как им пользоваться, не решилась, еще поднимет на смех. Конечно, сейчас каждый сопляк ходит с мобильником, а у Нины полно других проблем, подобные игрушки она считала роскошью, без которой прожить можно. Ничего, научится управлять и

сотовым телефоном. Она положила трубку в карман куртки и внесла свои предложения:

– Тебе надо врагов своих перебрать. Вполне вероятно, кто-то из них решил подставить тебя, подгадал и нанес удар.

– Перебирал, Нина. Ни на ком пока не остановился. Понимаешь, убийца хорошо знает мой дом, как-то туда пробрался. Значит, он бывал у нас не один раз. И этот человек хорошо знал Валентину, знал то, о чем я понятия не имел. Поэтому пока на первое место вышла Надежда. С Валентиной она дружила, а мужа могла выследить.

– Я имела в виду твоих партнеров по бизнесу, конкурентов, – не унималась Нина. – Например, когда я начинала, мое кафе одна негодяйка хотела поджечь – ее постоянные клиенты предпочли мой ресторанчик. Наняла двух мальчишек, те плеснули бензином на вход, но поджечь им не удалось. Полицейский помешал. Теперь я кормлю двоих ментов бесплатно, хоть какая-то охрана. В общем, конкуренты – это враги номер один. А у тебя во-он какой круг, имеешь дело с большими деньгами.

– Конкурентам незачем убивать мою жену, да еще ножом. А для меня достаточно всего одной пули. Но я не сбрасываю их со счетов, нет. Все это очень странно, если не сказать – глупо.

– Ну, я бы не назвала глупостью то, что видела. Это садизм. Слушай, Глеб, – вдруг осенило ее, – а среди твоих... то есть ваших общих знакомых нет человека, который про-

являл бы садистские наклонности?

– Есть один. Леня. Я несколько раз был свидетелем, как он избивал Надежду. Однажды пробовал вмешаться – и пожалел. У них стиль такой был – друг друга тумаками награждать. Надя тоже любит руками помахать. Представь, однажды на банкете запустила в Леню салатом. Потом две недели из дома не выходила из-за синяков.

«Твоя семейка не лучше была», – подумала Нина, но вслух сказала:

– Леня отпадает. А больше никто не отличается садизмом? Хотя бы скрытым?

– Не знаю. Подумать надо, вспомнить.

– Ну, вспоминай, вспоминай... – пробормотала Нина. Нежданно пришла в голову мысль. – Знаешь, я схожу к Надежде. Дай мне ее телефон, сначала созвонюсь с ней.

– Дам, – ожил Глеб. Ему казалось, что Нина не согласится пойти к Надежде, а давить на нее он не имел права. Но она согласилась. – Только купи диктофон и запиши весь разговор с ней. Я хочу дословно услышать, о чем вы будете говорить. Следует по возможности предусмотреть все, хотя это невозможно.

Они еще покружили по городу, затем вернулись домой. Нина сама поставила «автобус» в гараж, ей это удалось лучше, чем Глебу. Глядя на свою «копейку», вздохнула:

– Стоит бедненькая, как сиротка, так и поржаветь может.

– Нина, не делай проблемы из ерунды, – сказал Глеб, вхо-

дя в подъезд. – Сними гараж и поставь туда свою «копейку».

Было пять утра, когда Нина легла в постель. Она перечисляла в уме, что ей нужно сделать днем. Начать надо с оформления джипа. Дело приятное, несмотря на то, что «автобус» не принадлежит ей. Но почувствовать себя по-настоящему богатой, ездить на крутом транспорте, говорить по мобильнику бешеной стоимости – это вдохновляло. Нина была женщина во всех смыслах, посему не могла оставаться равнодушной ни к одежде, ни к игрушкам разного рода. Как и всем, ей хотелось много зарабатывать, ездить отдыхать на знаменитые курорты, иметь роскошный дом. Для этого она пахала как вол, и она обязательно заработает. Но отвлеклась, свои-то проблемы и планы ближе, а следует заниматься проблемами Глеба. Завтра она купит ему газету объявлений, изучит мобильник, постарается встретиться с Надеждой. Символичное имя. Нина отправится к Надежде с надеждой выведать что-нибудь. Это неприятное дело, к нему придется подготовиться. Что еще? Паша Кореец. Ему звонить и навязываться нельзя. Нина призналась себе, что совершила глупость, обратившись с просьбой к Паше. Ведь сколько раз слышала: бандюк делает услугу намеренно, чтобы вовлечь в банду. Нина сама полезла ему в пасть. А вдруг он забудет о ее просьбе? Хорошо бы...

Она уснула, когда в коридоре слышались шаркающие шаги. Кто-то из бабулек в туалет пошел.

Понедельник – единственный выходной, когда можно выспаться. Последние дни Нина хронически не высыпалась, уснув под утро, не высыпалась и на этот раз. Занявшись оформлением машины, она потеряла четыре часа. Это при том, что Глеб дал денег на взятки. Во время изнурительных ожиданий под дверьми изучала телефон. Попался паренек, который все кнопки на мобильнике знал, словно свои пять пальцев. Он рассказал, как пользоваться цифрами, русским и латинским алфавитами, записной книжкой, калькулятором, выбирать звонок, отправлять сообщения. Нина освоила операции быстро. Потом поехала в кафе и позвонила Надежде. Едва та взяла трубку, без обиняков сказала:

– Я не могу дозвониться до Валентины, вы не знаете, где она?

– Кто вы?

К этому вопросу Нина была готова:

– Я ее подруга. Близкая. Меня зовут Нина.

– Никогда о вас не слышала.

– Да? Странно. А я о вас много слышала. Валентина дала ваш телефон, сказала, что справиться о ней я могу у вас.

– Это тоже странно. Мы не были с ней близки.

Вот так штука! Глеб говорил, они дружили. Кто соврал – Надя или Глеб?

– Так вы не знаете, где она?

– Знаю. В морге.

И слышались гудки. Понимая, в каком сейчас состоянии Надежда, Нина не удивилась, не расстроилась, что та отказалась с ней разговаривать, грубо бросив трубку. Но это дало повод позвонить еще раз. Услышав Надю, Нина начала с возмущения:

– Вы хоть понимаете, что так шутить нельзя? Я вам ничего плохого не сделала. Если Валентина вас обидела, то я тут при чем? Мне очень срочно надо с ней увидеться. Больше не у кого узнать, как ее разыскать. Прошу вас...

– Девушка, – сухо произнесла Надя, – что вам от меня нужно?

– Но я же говорила, – смягчила тон Нина. – Где мне найти Валентину?

– Я вам ответила.

– Не могу принять ваш ответ...

– Вам придется. Валентина убита. Ее убили в четверг вечером.

Нина сделала паузу, которая должна была означать, что она потрясена. И перестаралась – Надя снова положила трубку. Так, хорошо. Теперь стоило выждать, ведь «потрясение» должно продлиться некоторое время, а потом опять позвонить. Нина выпила чашку кофе, порепетировала всхлипывания, но решила, что всхлипывать не стоит, у нее плохо получалось. Набрала номер. Надежда взяла трубку.

– Простите меня, – заговорила Нина проникновенным голосом, постоянно анализируя, не перебирает ли. – Вы сказали убита? Как убита? Кем?

– Да, убита, – раздраженно сказала Надя. – Кем, пока никто не знает.

– Но это невозможно. Что же мне делать?

– Ждать похорон.

Ого! Жестоко сказано! Без жалости, сожаления и сочувствия.

– Не бросайте, пожалуйста, трубку! – закричала Нина, словно увидев воочию, как Надя собирается прервать диалог. Жалобно повторила: – Пожалуйста, не бросайте. Я скажу вам правду... (Ой, какую же правду сказать?) Она не совсем мне подруга... (Заехала!) То есть мы были подруги, но так получилось... глупо получилось. (Мямлить дальше нет смысла.) Валентина завела с моим мужем роман. (Ух, и здорово! Обманутая женщина должна клюнуть.)

– А какое отношение это имеет ко мне? – не клюнула Надя.

– Наверное, никакого. Понимаете, он оставил меня из-за нее. У нас ребенок. На этой почве у сына возник невроз... (На этом мелодраму с ребенком лучше завершить.) Я не могу говорить об этом по телефону. Скажите, мы можем увидеться?

– Зачем?

– Мне надо во многом разобраться. Может, удастся сде-

лать это с вашей помощью. Прошу вас, не отказывайте мне. Есть еще причины... Очень прошу...

Надя думала, трубку не бросала.

– А как зовут вашего мужа? – неожиданно спросила она.

Если бы Нина хоть на секунду задумалась, к каким последствиям приведет ее ответ, она бы заклеила рот пластырем. Однако не задумалась.

– Глеб Печернин, – вырвалось у Нины, после чего она покрылась испариной. Но Наденька теперь обязательно с ней встретится.

– Приезжайте ко мне домой.

Подъехав к дому Надежды на «копейке», Нина по-мужски присвистнула. Это был один из самых знаменитых домов в городе. Особняк иметь необязательно, достаточно в подобном доме купить квартиру, которая стоит столько же, сколько и особняк. Три этажа, на первом гаражи, второй и третий занимают двухэтажные квартиры, окна выходят на обе стороны длинного дома, хотя всего в нем восемь квартир. Разумеется, в каждой есть камин – мечта Нины, два-три балкона. Она позвонила, дверь открыла женщина средних лет, худая, с удлинненным и неприветливым лицом. Нина поднялась за ней по лестнице, сняла пальто и прошла в большую комнату как раз с камином, где потрескивали дровишки. Надежда предложила ей присесть на один из диванов, любезно предложила:

– Что будете пить?

– Ничего, – нервно сказала Нина. За дорогу сюда придумала, как выкручиваться, но все равно нервничала. – Я за рулем.

– Ну и что? – пожалала она плечами. – Лишь бы в аварию не попасть, а от ментов всегда откупиться можно.

На столике стояли бутылки и бокалы, Надежда налила себе светло-коричневого напитка в пузатый бокал, сделала глоток и села напротив Нины.

– Так вы ищете Глеба? – спросила с кривой усмешкой Надежда, подавшись телом вперед. Она была явно заинтригована.

– Д-да, – запинаясь, ответила Нина, чувствуя неловкость под пытливым взглядом Надежды. – Я ищу Глеба.

– А скажите, милочка, каким образом он являлся вашим мужем, если женат был на Валентине? Жил с ней в одном доме, везде показывался только с ней. Вы не находите, что ваше утверждение ложно?

– Нет, – поспешно ответила Нина и потупилась. – Мы с Глебом не зарегистрировались. А то, что он женат на другой, я узнала год назад.

– Интересно. – Надежда откинулась на спинку дивана, рассматривая гостью с откровенным любопытством. Нине тоже стало интересно, почему, узнав о похождениях мужа и его безвременной кончине, лицо Нади не несло печати трагедии? Похоже, она вовсе не страдала по этому поводу. Тем временем Надя удовлетворенно прошипела: – Значит, наш

Глеб двоеженец? А почему вы ко мне обратились? Кстати, ведь это не Валентина дала вам мой телефон, так?

– Вы проникательны, – кивнула Нина. – Я нашла телефон в записной книжке Глеба, он забыл ее у меня. Мне Глеб рассказывал о вас и вашем муже Леониде. Извините, я соврала вам, что ищу Валентину, хотя я хотела и с ней встретиться. Не знаю, к чему привела бы наша встреча, но... утопающий хватается за соломинку. Мне просто было неловко вам говорить, что я ищу Глеба. Вы не знаете, где он?

– А зачем вам Глеб? – Надя получала несказанное удовольствие от беседы.

– Должен же он позаботиться о ребенке! (Опять нечаянно вырвалось про ребенка, но назад дороги нет.) Я одна не справлюсь.

– И сколько лет вашему ребенку?

– С-семь. (Не многовато ли ребеночку лет?) Будет семь... в августе.

– Как же вы не замечали, что Глеб не ночует у вас?

– Он говорил, что ездит в командировки, задерживается на работе... (Чушь, надо что-то более убедительное сказать.) Понимаете, когда любишь человека, то веришь ему и не хочешь замечать его вранье.

– Да, действительно, – пристально глядя на Нину, проговорила Надежда, снова отпила из бокала, закурила. – Но я не знаю, где ваш обманщик.

– Скажите, вы сказали правду... о Валентине?

– А вы и с ней были знакомы? – поддавливала ее Надежда.
Вот змея!

– Нет, конечно. Когда я узнала, что он женат, чуть с ума не сошла. Обидно было, больно... Я сама прекратила наши отношения. Но сын... его лишить отца я не могу, это несправедливо по отношению к ребенку. Мне очень хотелось посмотреть, на кого променял нас Глеб. Я следила за ним, так увидела Валентину. Она красивая... (Вот теперь не плохо было бы слезу пустить для убедительности, но слезы не выдавливались.)

– Шлюха она порядочная, – вставила Надежда. – Грязная шлюха.

– Теперь это не имеет значения, – разыграла печаль Нина.

– Напротив, – усмехнулась Надежда. – Это имеет большое значение.

– В смысле? – не поняла Нина, а усмешка Нади ее насто-
рожила.

– Неважно. Я не знаю, где Глеб, он пропал.

– Как это – пропал?

– Его никто не может найти после четверга. Он был на работе, потом исчез.

– Вы хотите сказать, что и его... убили?

– Я ничего не хочу сказать, – резко ответила Надежда. –
Говорю только то, что знаю. А не вы ли, милочка, убили Валентину?

Ничего себе, поворот! Нина задохнулась от ее слов:

– Вы... да как вы смеете?!

– Ну а почему вы не могли убить ее? У вас есть причины уничтожить соперницу, – и глаз при этом у Надежды стал хитрый-хитрый. – Да ладно, не пугайтесь, я не стану доносить на вас. В сущности, я должна сказать вам спасибо за то, что вы заодно убили и моего муженька. Вы перепутали его с Глебом?

«С какой стати она так открыто говорит с совершенно посторонней женщиной? – соображала Нина. – Если она думает, что убийца я, почему не боится? Убив двоих, по логике нежданная гостья запросто убьет и третьего человека. Чего там: одним больше, одним меньше...» Правда, предположения Надежды испугали не на шутку. Было глупостью приходиться сюда, рассказывать про сына, которого не существует, и дикую историю про двоеженца. Так и в тюрьму можно влететь.

– Вы с ума сошли, – выдавила Нина. – И при чем тут ваш муж?

– Моего мужа нашла в спальне Валентины и Глеба их домработница, – разделяя слова, дабы они стали доходчивее, сказала Надя. – Его и Валентину убили одновременно. Я почему-то думаю, что это сделали вы.

– Но почему? – вспыхнула Нина. – Почему вы так думаете?

– После вашего рассказа, – улыбнулась Надежда. – Разбитое сердце, сынок без папы, жажда мести. Видите, как все

складывается не в вашу пользу?

– С таким же успехом и вы могли прикончить своего супруга с любовницей. К тому же вы не скрываете радости, что он убит.

– Не могла. Я не знала, что он любовник Валентины.

– Это еще ни о чем не говорит. Ваши утверждения – это всего лишь слова. А я тоже не могла это сделать! – торжественно выкрикнула Нина. – У меня есть алиби! Меня видели на работе с утра до поздней ночи весь четверг! А у вас есть алиби?

– О, какая вы подкованная, – слегка изумилась Надежда. – Что ж, у меня тоже есть алиби, о нем знают в прокуратуре. Значит, это не вы? Как жаль, а я хотела выдать вам премию.

– Вы очень циничны! – бросила упрек Нина.

– Ну и что? Я и в прокуратуре не скрывала, что страдать по развратному мужу не собираюсь. Согласитесь, это смешно – разыгрывать безутешную вдову, муж которой ей изменял, и теперь об этом все знают. Мое положение унижительное, вы не находите? Я даже хоронить его не буду, пусть о нем позаботятся родители, к счастью, они живы. Если это сделали не вы, ну, тогда их прикончил ваш Глеб.

– Почему Глеб?

– Он очень ревнивый. Вас он ревновал?

– Я не давала повода.

– А Валентина давала. Строила глазки всем мужикам подряд, за что была неоднократно бита Глебом.

– Глеб ее бил? – широко распахнула глаза Нина.

– Да, бил. За то время, что мы знакомы, при мне он не раз отвечивал ей оплеухи. Правда, она в обиду себя не давала, чему есть свидетели. Не так давно на банкете Валентина запустила в Глеба салатом. Все были в шоке от скандала, – не без наслаждения от воспоминаний поведала Надежда.

Этот занимательный рассказ Нина уже слышала от Глеба, только в его рассказе действующие лица были другие. Интересно, кто из них врет и зачем? Нина окончательно растерялась, не знала, что говорить. Надежда сама продолжила тему:

– Вас удивляет поведение Глеба?

– В общем-то да, – призналась Нина. – Я с этой стороны его не знала, хотя мы... давно вместе... были. Чтобы он поднял руку на женщину... это неестественно.

– Поднимал, поднимал, – заверила Надежда. – Себе он прощал маленькие увлечения, а жене нет. Флиртовал у нее на глазах, потому и получил салатом по морде. Это было очень комично.

– А вы с мужем никогда не дрались? – нашлась Нина.

– Да всякое случалось. В нормальной семье бывают и размолвки.

– Ничего себе – размолвка. По-моему, в нормальной семье не бывает как раз рукоприкладства.

– Там, где нет любви, не бывает, – согласилась Надя. – А там, где есть любовь, есть и ревность. Ревнивый человек способен на неадекватные поступки.

– Выходит, у вас и вашего мужа размолвки случались из-за любви? Как же он тогда попал в постель к Валентине? Да и вы не похожи на любящую жену.

– У нас уже не было любви, милочка. У нас осталась привычка, дети, которые связывают. И все. А вот Глеб, по моим наблюдениям, любил Валентину страстно. Извините, если вам неприятно это слышать.

– Мне неприятно это слышать, – честно призналась Нина. – Но я все равно хочу вернуть Глеба. Он теперь знает, с кем жил, думаю, оценит меня.

– Если он убил Валентину и моего Леньку, то вы его долго не увидите.

– Я не верю, что это сделал он.

– Ну что ж, это ваше право. Оставьте мне ваш телефон, если я выясню что-нибудь о нем, позвоню. Вы меня поразили своей настырностью.

Врать дальше было невыносимо и бессмысленно, а Надежда походила на паука, плетущего паутину. Нина мечтала поскорее выбраться из этого дома, поэтому быстренько написала два номера – рабочий и номер сотового телефона. Надежда, прочитав номера, приподняла одну бровь, затем взглянула на Нину, словно сделала в ней некое открытие, и снова опустила глаза на лист бумаги. Отложив лист, проводила гостью до двери, чему-то усмехаясь. Нину просто из себя выводила ее усмешка.

Упав на сиденье в автомобиле, она тяжело выдохнула:

– Уф! Это кошмар какой-то! Что я несла! Вот дура! Набитая дура.

Она вспомнила о диктофоне, достала, отключила. Некоторое время думала: кто из них врал – Глеб или Надежда? Кто кого бил? Кто в кого запустил салатом? И какое значение в этой истории имеет салат? Почему о нем упомянули и Глеб, и Надежда? Странно. Нина перевела взгляд на диктофон в своей руке и... стерла запись.

– Если ты меня обманываешь, Глеб, – пробормотала, поворачивая ключ зажигания, – я из тебя студень сделаю.

Она поторопилась покинуть двор, решив, что больше сюда ни ногой не ступит.

В это время Надежда набрала номер:

– Алло, это Юлия Федоровна? С вами говорит Надя. Я хочу вам сообщить очень приятную новость. У вас есть внук. Ему около семи лет... Да, звучит нелепо. Я сама только что узнала... От его матери, разумеется, она разыскивает Глеба. Вам дать ее телефончик? А лучше приезжайте ко мне, я расскажу подробно.

Надежда положила трубку, затем улыбнулась, глядя на лист с телефонами:

– Ну, посмотрим, посмотрим, как ты будешь вертеться, девочка.

Нина пересказала Глебу диалог с Надеей не весь. Умолчала про салат, умолчала о том, что Надя отреклась от друж-

бы с Валентиной, не рассказала и про «ребенка». Сообщила лишь, как солгала, что Глеб является мужем Нины. По всему стало заметно, что результатом похода он недоволен.

– Зачем наплела, что я двоеженец?

– Так получилось, – развела руками Нина. – Она разговаривать со мной не хотела. Но как только узнала, что ты мой бывший сожитель, сразу согласилась на встречу. Ты дал мне задание, я выполнила, к Надежде попала.

– А почему не записала на диктофон?

– Не получилось. Не проверять же при ней, работает диктофон или нет!

– Ладно, дело сделано, теперь нечего сотрясать воздух. Наденька – женщина коварная, хитрая, не знаю, что выкинет после вашей встречи. Что она еще говорила?

– После меня она подозревает в убийстве тебя.

– Это понятно. Больше ничего?

– Ничего. – Однако ее тоже не удовлетворила встреча с Надеждой, можно сказать, напугала, поэтому посчитала себя вправе дать Глебу совет: – Знаешь, найми детектива. Частного детектива. Мы не справимся. Я полный профан в интригах, не хочу залететь вместе с тобой. Скажу честно, после подозрений Нади мне стало не по себе.

– Нина, я не доверяю ни одному человеку, – ответил Глеб.

– Да дай ему половину тех денег, что обещал мне, он носом будет рыть и держать язык за зубами.

– Пойми, – вдалбливал ей Глеб, – я даже родителям не

даю знать о себе. Они сразу разовьют бурную деятельность, станут отмазывать меня. Это ни к чему, потому что надо не отмазывать меня, а найти убийцу. Нет, детективу я не доверюсь.

– Но я тоже не умею... Когда сегодня разговаривала с Надеждой, думала, что она видит меня насквозь... я как на иголках сидела...

– О своем алиби она не распространялась, – произнес Глеб отстраненно.

– Зато прокуратуре оно известно. Ты даже не слушаешь меня.

– Слушаю, Нина, – мягко возразил он. – Как бы узнать, где она находилась во время убийства и кто это может подтвердить? Я не верю ей.

– Не знаю. Я ничего не знаю. И не понимаю, как мы из всего этого выгребем. Ты сам не знаешь, что делать, я тем более.

– Справимся, Нина, – неуверенно заверил Глеб. – Да! Где дневник Валентины? Я просил забрать его.

– Когда? – захлопала она глазами. – У меня есть еще мой ресторанчик, дорогой. Дела на самотек я не пушу, что бы ты мне ни обещал. И потом, дневником занимается моя подруга Долли, а я даже не знаю переводчика. Не волнуйся, там же не написано, кто конкретно его вел. Завтра встречу с Долли, она заберет дневник.

Глеб переключился на изучение газеты с объявлениями, а

Нина занялась уборкой.

– Долька, ты не могла бы взять на себя заботу о рестораничке?

С этого вопроса началось утро вторника. Задания Глеба займут много времени, пришла к выводу Нина, и поэтому на некоторое время надо отойти от дел. Лучше Дольки на роль надсмотрщицы нет.

– А ты куда денешься? – вытаращилась Долли. Предложение было очень необычным. Нина свое кафе не доверяла никому, а тут вдруг...

– Я? Буду рядом. У меня возникли кое-какие дела... Это ненадолго, неделька-другая... Так как? Поможешь?

– Какие проблемы? Мы же подруги, скажи мне, что случилось.

– Не могу. Пока не могу. Не обижайся, Долли.

– Это связано с тем дневником? – предположила Долли.

– В общем-то да. Но не только. Долли, я все тебе расскажу...

– Нина Александровна, вас спрашивают, – сообщила уборщица, открыв дверь.

Отстранив уборщицу, в кабинет вошли... у Нины стали круглыми глаза и тревожно забилося сердце, потому что этих людей она не ждала увидеть у себя, да и не хотела бы их видеть никогда. В кабинет вошли родители Глеба! Увидев

Нину, они застряли у порога, словно натолкнулись на невидимое препятствие, лица у обоих вытянулись от изумления. Скорее всего, они не знали, к кому пришли, посему не находили слов от шока. Само собой, Нина тоже не находила слов, в ее памяти всплыла давнишняя вражда, вызывая прежнюю бурю негодования внутри. Ничто не проходит бесследно, это верно. Долли переводила растерянный взгляд с Нины на хорошо одетых людей, от которых шла волна недоброжелательства, и обратно на Нину. До нее дошло, что она здесь лишняя, Долли встала со стула, предупредила:

– Я у себя буду. В случае чего зови.

После ее ухода пауза продлилась с минуту. Наконец мама Глеба, выдавила:

– Ты?!!

И с таким презрением это произнесла, с такой брезгливой миной, что Нина вышла из столбняка. Молниеносно пронеслись эпизоды, когда мама Глеба унижала ее, насмеялась при нем, а наедине игнорировала. Папа Глеба тоже при Нине вел себя так, словно ее вообще не существовало. Оба относились к ней как к пустому месту, при случае, точнее, при людях, подчеркивали свое превосходство. Их поведение можно было охарактеризовать одним словом – хамство. Если раньше Нина терпела выходки родителей жениха ради Глеба, стараясь не обострять отношения, то с какой стати будет терпеть сейчас? Она уже не та девушка – скромница и воспитанная в почтении к старшим. Вращаясь среди людей разного сор-

та, зачастую не обремененных ни моралью, ни воспитанием, Нина многому научилась. Сегодня она способна дать отпор, понадобится – нахамит, ведь хам человеческого языка не понимает, только свой.

– Что вам угодно? – ледяным тоном спросила Нина, откинувшись на спинку стула и закинув ногу на ногу. Эта поза хозяйки означала: не боюсь вас! Ее волнение выдавала лишь авторучка, которую она крутила пальцами.

– Мы пришли посмотреть на мать нашего внука, – выговорил папа растерянно.

Ах, вот оно что! Значит, Надька доложила им о ее визите.

– Ты соврала про ребенка? – Маме не откажешь в пронизательности.

Нина мучительно соображала, как быть. Сказать правду – чем мотивировать свое появление у Надежды? Ведь сразу все заподозрят некую тайную цель, которую преследует Нина, а там навесят массу обвинений. Продолжить врать – что из этого выйдет? Вот так ситуация! Недолго думая, Нина выбрала второе, ибо второй вариант не представлялся опасным, да и, сказав «а», следует говорить «б».

– Почему же соврала? – с вызовом сказала она. – У меня есть ребенок.

– Но не от Глеба! – бросила мама гневно.

Юлия Федоровна – типичная мамаша-злодейка, оберегающая единственное чадо от посягательств хищных дев. Интересно, как Валька ладила с ней? Однако сейчас Нину за-

ело отношение этой стареющей мегеры, которой не угодишь, хоть в лепешку разбейся. Знала бы мамочка, что она, рискуя собственным положением, прячет ее сына у себя дома. Не к ним он подался, а к ней. Нина всматривалась в Юлию Федоровну и не находила ни одной привлекательной черты. Да ведь это еще и типичная представительница правящего класса – черствая, постоянно и фальшиво озабоченная, с завышенной самооценкой, презирающая бедных людей. В молодости она была очень миленькой, худенькой, но разожралась на демократических харчах и стала похожа на свиноматку. Нина представила милую сердцу картину: Юлия Федоровна будет месяц лежать с больной головой, узнав, что у нее ребенок от Глеба. Она скрестила на груди руки и елеинно сказала:

– Это мой ребенок и Глеба. Но вас это не касается.

– Как это не касается?! – залилась краской негодования маман. – Ты что несешь? Я тебя выведу на чистую воду. Специально придумала сына? Зная, что случилось, ты решила воспользоваться...

– А что случилось? – прикинулась дурочкой Нина.

– Как будто не знаешь! – подковырнула ее маман. – Валентину нашли убитой в доме, а Глеб пропал бесследно. Ты искала Глеба, зачем?

Эх, добивать так добивать! Нина четко, чтобы родители Глеба не пропустили ни одного словечка, выделяя каждую букровку, сказала:

– Я хочу получать алименты на своего сына.

– На чужого! – вскипела Юлия Федоровна.

– Хм, – самодовольно хмыкнула Нина. Далее она не могла отказать себе в удовольствии, наблюдая, как мама Глеба хватается ртом воздух. А тон выбрала ласково-иезуитский: – Сейчас это устанавливается запросто. По анализу крови. Мальчик растет, ему многое нужно. Например, персональный компьютер, хорошая одежда, фрукты. И поездки. Должен же ребенок увидеть мир. И потом скоро школа, я не могу отказать ребенка куда попало. Хочу определить его в престижный лицей, где изучают языки, менеджмент, экономику. В наше время это необходимо. Вы со мной не согласны?

– Коля (так зовут папу), Коля, ты слышишь?! – Еще чуть-чуть, и мама наконец-то упадет в обморок. Странно, она женщина боевая, уложить наповал ее можно только при помощи локомотива на полном ходу, а не какими-то фразочками. И точно, мама не брякнулась на пол в беспмятстве, мама грозно взревела: – Что она несет?! Почему же ты раньше не говорила о сыне? Как же ты его скрывала и почему? Ведь вы жили вместе с Глебом год! Где был твой ребенок? И почему Глеб не говорил, что у него есть сын?

– Я отвечу на все вопросы по порядку, – с готовностью сказала Нина. – Что там на первом месте? А, как скрывала? Просто. Он воспитывался у моей мамы. И это была идея Глеба – не говорить вам о ребенке. Вы же меня в упор не видели. Мы хотели преподнести вам подарок во время свадьбы, так сказать, обрадовать... но свадьба не состоялась.

– Коля, Коля, что ты молчишь? Я не верю этой авантюристке.

Нину всегда удивляло: что папа Глеба нашел в его маме? Николай Львович был красивый и видный мужчина, выглядел много моложе не только своей жены, но и своих пятидесяти пяти лет. Он был подтянут, со спортивной выправкой, седина не уродовала, а украшала его густые волосы, черты лица были точеные. Кстати, Глеб был вылитый отец. Правда, характер у Николая Львовича был сродни характеру Юлии Федоровны, в этом смысле они были два сапога пара. К тому же он был человек скрытный, никогда не определишь, чем заняты его мысли.

– Погоди, Юля, – произнес он властно. Властность – семейная черта Печерниных. – Понимаешь, Нина, это все очень странно. Хорошо, сейчас не будем выяснять, кто и за чем скрывал существование ребенка, это впереди. Ты должна доказать, что твой сын наш внук. В противном случае ответишь за шантаж. Мы хотим посмотреть на него.

– Это еще зачем? – переменялась в лице Нина. Загнули: ребеночка им покажи! – Я вовсе не собираюсь делать из вас бабушку и дедушку, мне достаточно алиментов. А вас нам не надо.

– Нина, – осадил ее Николай Львович, – если ты лжешь, то пожалеешь об этом. Ложь мы расценим как интригу против нашего сына и нас. Поэтому мы хотим увидеться с внуком и получить подтверждение, что это сын нашего сына. Тогда мы

возьмем заботу о его будущем на себя. В противном случае ты станешь подозреваемой.

– Кем стану? – Нина состроила презрительную мину.

– Возможно, это ты организовала убийство Валентины, затем кто-то по твоему приказу выкрал нашего Глеба и держит его в заложниках.

Нина расхохоталась, чем не смутила родителей Глеба. Тогда она внезапно прекратила смех и, стараясь придать голосу как можно больше беспечности, сказала:

– Я все поняла. Ваш Глеб убил жену, она же ему изменяла. Он застукал ее в спальне с любовником и убил! Ему светит тюрьма, а вы ищете заместителя на место вашего сына. Внук как раз подходит. Не получите вы его, ясно?

Николай Львович переждал выпад Нины и закончил:

– Тебя ведь Глеб бросил из-за Валентины. Валентина убита. У тебя есть мотив убить ее – месть Глебу и Валентине. Это в том случае, если ты выдумала всю историю с ребенком. Я все сказал, а ты думай. Когда покажешь нам ребенка?

– Его же надо привезти... – пролепетала Нина. – Он у мамы...

– Мы ждем.

Не попрощавшись, папа и мама Глеба с достоинством покинули кабинет, оставив Нину в полной потерянности. Это называется: приехала! Что теперь делать? Где взять сыночка? А как Глеб обрадуется дополнительным проблемам! Ужас!

– Спокойствие, только спокойствие, – сказала себе Нина. – Из каждой ситуации есть два выхода. Во-первых, ребенок будет долго ехать. Сначала он заболит, потом что-нибудь придумаю. Второе. Глебу надо поторопиться, а то это все плохо кончится. Для меня плохо. Со своим враньем я влечу... даже подумать страшно. Я не могу этого допустить. Дневник... мне необходимо знать, что там написано.

Должна сказать, с Глебом мне нравится больше, чем с другими. Он многое умеет, я имею в виду умение общаться и быть нескучным. Он разнообразен, то холоден, то горяч, то нежен, то груб. Возможно, происходит это потому, что всякий раз между нами начинается борьба, он преодолевает моральный барьер, а я преодолеваю его. Он связан обязательствами перед невестой, в то же время его влечет ко мне. Мне же интересен сам процесс преодолений как с его стороны, так и с моей. В какой-то степени Глеб заменил мне мою страсть, занял все мысли. Это не любовь. Я не могу любить мужчину так, как любила горы, снег, скорость, встречный ветер...

Сегодня погода установилась отличная, сияло солнце, переливалось на снегу. Мы пошли погулять в лес. Нас встретили белые ворохи на ветках, бесчувственное море снега... При виде всего этого великолепия меня охватило возбуждение. Хотелось растормошить лес, кричать и смеяться, возможно, плакать, хотелось все взорвать и самой взлететь

на воздух, а потом умереть. Мне нужна была разрядка. Я предложила заняться любовью. Глеб потянул меня на базу, но я сказала, что хочу заняться любовью здесь же. Он назвал меня сумасшедшей, сказал, что на снегу все отмерзнет. А меня это не остановило. Я давно хотела предаться разврату на снегу, быть может, после этого избавлюсь от непреодолимой тяги к тому, что потеряла. Поэтому оделась соответственно, чтобы снять минимум. Глеб сначала испугался, потом сдался. Я опять его победила. Как это было превосходно! Ни он, ни я не замечали холода, стало горячо изнутри. В какой-то момент Глеб слился с белой массой вокруг, а я почувствовала то, что ощущала, мчась на лыжах. Я по-настоящему изменила своей страсти, и снег был тому свидетелем. Я кричала, как кричала на финише от восторга. Глеб повторил, что я сумасшедшая. Но был ужасно доволен. Я тоже... Правда, мои восторги он принял на свой счет, собственно, это его дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.